

Л. ТЫРКБА

БЕЗ ШАНСОВ

Сухум – 2016

УДК 82-3

ББК 84 (5 Абх)6-442

Т 95

Л. ТЫРКБА

БЕЗ ШАНСОВ. Маленькая повесть./Л. Тыркба.

Сухум: ЗАО «Арашь», 2016. – 128 с.

Г/р 978-5-111-87-09016.

Книга «Без шансов» написана в соавторстве с А. Гицба, А. Аишхаруа, Л. Яковлевой, Е. Бебиа и Е. Марковой. Огромное спасибо Вам за разрешение напечатать ваши статьи в моей книге. А так же огромное спасибо моим многочисленным друзьям, что верили в меня.

С глубочайшим уважением ко всем Вам –

Л. Тыркба

---

*Моей дорогой Тамаре Ивановне Гицба,
чья любовь и дружба согревали меня и в
добрые и тяжелые времена: где бы я ни
была – рядом или вдали от нее – память
о ней всегда будет жить в моем сердце.*

Л. Тыркба

ТЕХ, КОГО МЫ ЛЮБИМ, ЖИВУТ

Судьба - это великое слово. Я часто думаю, что нельзя всё плохое, что происходит с людьми валить на судьбу, и Ханя со мной согласилась бы. Судьба - это характер человека. Тут мне надо сказать: слава роду Гицба - патриотов Абхазии. Это за меня сделала удивительная женщина, А. В. Гицба, написавшая книгу о своем роде и любезно разрешившая мне воспользоваться фото - архивом из её чудесной книги. Огромное спасибо Вам за это разрешение. Её дочь Эсма Ариба - кавалер ордена Леона, герой Абхазии, бессстрашно сражалась во время войны 1992-1993 гг. Сыновья С. В. Гицба Зурик Тыркба, кавалер ордена Леона, внук С. В. Гицба, Виталий Тыркба и его жена Гугуца Джикирба, создали прекрасный музей войны в г. Гудаута. Ваши племянники, Тамара Ивановна, Мирон Тыркба - сын С. В. Гицба и племянник Леонтий Гицба были арестованы в 1980 году и отправлены в Тбилисскую тюрьму. Как не пытались их заставить тюремщики подписать «покаянные» бумаги, оклеветать своих же товарищ, ничего они не добились и вынуждены были отпустить их через полгода.

В Абхазии их встречали как героев. По сути дела, Мирон Тыркба и Леонтий Гицба были политическими заключенными. Героически погиб Ваш племянник Баграт Гицба. Да и Вы, Тамара Ивановна, сами выдержали все удары судьбы. Пропал без вести Ваш муж Александр Сангалия. Вам предстояло с этой болью жить и растиль сына Алхаса. Нельзя во всем винить судьбу, если бы Ханя стоптнулась на своём жизненном пути «о судьбу», не было бы у нас тогда Тамары Гицба как личности, как легенды.

К великому нашему сожалению, Тамара Ивановна стала неугодной грузинским руководителям из партийной элиты. И она покинула Пицунду, о которой тосковала все долгие годы разлуки. Только время в состоянии рассудить - кто есть кто?

Её смерть разбудила сочувствие к этой удивительной женщине, которая подарила нам радость общения с нею. Прощаться с Тамарой Ивановной я не стану, но я скажу в её собственной манере: «До свидания, наша дорогая Ханя, потому что в том неведомый край, куда Вы ушли, однажды отправимся мы все». Она в жизни не играла в ангела, она была им. И теперь у Бога есть ещё один прекрасный ангел, который помогает нам с небес.

Тех, кого мы любим, живут.

С глубочайшей любовью и уважением к светлой памяти Тамары Ивановны Гицба

Помнящая и любящая Вас

Людазара Тыркба.

❖ В повести известной абхазской рассказчицы, журналистки, психолога Людазары Тыркба рассказывается о невероятном подвиге, произошедшем с ее героями в минувшем XX-м веке. Героическое противостояние абхаза из села Лыхны Александра Сангушия и 19-ти заключенных в концлагере г. Зоненберг. Неотрывно читаются страницы о конных соревнованиях в концлагере. Советские пленные ценюю своих жизней одерживают победу над фашистами... Уходят в бессмертие победителями. ❖

Екатерина Маркова,
поэт, член Союза писателей России

БЕЗ ШАНСОВ

(маленькая повесть)

Толстые стены кладки IX – то века, своды тридцатиметровой высоты. Звук голоса и органа таёт где-то в вышине. Большие стрельчатые окна, под главным куполом – лик Христа. Больше фресок не сохранилось. Суровость и торжественность – таков Пицундский собор Успения Богородицы.

У ворот храма в алюминиевом кресле сидит старик. Перед ним – маленький столик. Старик оповещает хриплым голосом:

– Пицундский храм! Хор и орган! Поет знаменитая капелла!

Разомлевшая на солнце курортная публика улыбается:

– Ну что за блажь напала на старика! Ведь концерт-то состоится вечером!

И, конечно же, никто не спешит покупать билеты.

Старик, однако, не уходит. Упорно и методично, каждые пять минут он предлагает билеты на концерт. И в конце, концов, находятся такие, кто покупает билеты.

И за всем этим бежит время к вечеру. И тут, возвышаясь над всем полуостровом, выступает в вечерний дымке крест Пицундского собора.

Афиши на всех витринах вещают: «Один из прекраснейших в мире органов! Удивительная хоровая капелла! Известный дирижер! Великие творения музыки разных народов!»

И вот уже десятки людей ищут того самого старика – продавца билетов, – но его нет, и только толпы счастливчиков прогуливаются по двору храма: у них есть билеты. Нарядные и веселые, направляются они в храм, садятся в удобные кресла с резонаторами, и торжественно, и благоговейно слушают орган в Пицундском соборе.

Седой иностранец сидит в крайнем кресле десятого ряда. Одна за другой звучат песни в хоровом исполнении на разных языках. Выступление капеллы нравится зрителям.

Конферансье объявляет следующий номер программы: «Исполняется старинная абхазская народная песня «Ахура ашва» – «Песнь ранения». Коротко рассказывает он содержание песни. У абхазского народа эта песня очень почитаема, словно молитва. Во все времена ее исполняли у постели раненого человека. Эта песня – Песня мужества! Песня бессмертия!

На смену конферансье выходит высокий певец, с тонким, одухотворенным лицом, похожий на струну, – так он тонок и строен. Под сводами храма разносится удивительная мелодия, удивительные звуки. Певец волнуется, исполняя «Песнь ранения». Песню, вынесенную народной памятью из глубокой старины. Его же голос, голос мужчины, раздается под сводами храма. Он должен быть опорой жизни – мужской голос. Но певцу кажется, что он никак не может по – настоящему спеть эту песню и от этой неуверенности где-то в вышине тает его голос, голос сломленного болью мужчины. Но тут же голоса женщин подхватывают мело-

дию. Эти голоса – плач. Их плач еще страшнее, чем боль. И снова мужество спешит на помощь, и снова звучит голос:

«Уаа – райда, не мужчина,
Кто не может, стиснув зубы,
Скрыть страдания свои!
Уаа – райда, не мужчина
Тот, кто может стоном выдать,
Боль ранения своего...»

У певца есть тайна: он выбирает среди зрителей кого-то одного, и этот один очень помогает ему петь. В этом есть, конечно, что – то детское и не подобает ему, взрослому человеку, такая слабость. Вот и сейчас он ищет этого человека в зале. Ищет в самом центре среди зрителей, сидящих под главным куполом. Певец знает, что самая лучшая акустика в центре, где слышишь как музыка полощется под самым куполом, вода хороводы с высотой.

Певец и артисты капеллы уже потеряли счет своим гастрольным поездкам. Но всякий раз, когда им приходится петь в средневековом Пицундском храме, они испытывают необыкновенное волнение. В храме такая тишина, что, кажется, шаги запоздавших зрителей раздаются в вышине, как обвалы в горах; и слабый шелест программок обрачиваются лесным гулом в непогоду, и даже простой скрип кресла звивается криком чайки, провожающей корабли. Как тут не бояться петь, а еще эту удивительную «Песнь ранения»!

Эта песня – реквием мужества. Мужской голос – опора жизни – властно правит миром, но вот тает, рушится опора, и уже под сводами рыдают прекрасные голоса женщин. Их плач сокрушает своей болью. Но нет, еще не все потеряно! Горе и боль находят в себе мужество обрести заново силу духа. Мужской голос звивается в высоту, утверждая, что

сознательная смерть за высокий идеал Родины – бессмертие! Он обращает слезу горя в слезу радости. И уже не стон, не плач, а гимн сотрясает стены древнего храма.

Певец поет и вдруг сознает, что на бессмертных пересечениях собственной жизни и законов искусства он поет и о себе. Плача над уходящим воином, древние певцы даровали жизнь своему народу. В мире много таинственного и это не обедняет, а наоборот, украшает жизнь. Существуют, например, загадочные песни. Мы их поем, но не можем все охватить, во все вникнуть. Гадаем над ними и дивимся им.

Существуют и загадочные лица. Вот увидишь мельком человека, запомнишь, и уж как – то, помимо твоей воли, это лицо начинает всплывать в памяти. Вот, например, тот иностранец в крайнем кресле – он приходит уже не раз. Певец видит его уж в третий, а то и в четвертый раз. Ничего удивительного! Старый седой немец, а слушает песню с таким загадочным вниманием. И певец поет, поет страшно и вдохновенно, поет так, как будто сам умирает от ран, оставляя этот прекрасный мир другим. Вот такая эта Песня ранения!

Концерт окончен. Зрители выходят. Только седой иностранец сидит в кресле, подперев ладонью щеку. Люди думают, что он уснул. Певец разочарован. Он думал, что этот человек – ценитель пения, а он просто пришел сюда спать. Он идет к месту, где спит иностранец и осторожно говорит ему:

– Извините, концерт окончен, все уже ушли.

– Извините! – сказал иностранец, поднимаясь с кресла, – это, кажется, Вы исполняли песню, э – э – э, «Песнь ранения».

Певец недоуменно посмотрел на незнакомца и уже собирался было пошутить, что он пел не только эту песню, но и другие... Но что-то во взгляде незнакомца удержало его от шутки. Незнакомец вдруг попросил его снова спеть «Песнь ранения». Певец смущенно оглянулся. Незнакомец подбодрил его словами:

– Спойте тихонько!

И певец снова запел. И чем дальше пел он песню, тем больше чувствовал сердцем, что эта песня нужна не только ему, а этому человеку, и он старался как мог.

На лице незнакомца появилось то сосредоточенное выражение, которое бывает у людей, когда совершается нечто значительное, до глубины трогающее душу, и трудно, очень трудно сдержать волнение и подступающий к горлу ком.

Певец умолк. Незнакомец смотрел на него и в глазах его блестела слеза. Вдруг он глухо произнес:

– Я слышал эту песню тридцать пять лет назад, и не в божественном храме, мой юный и прекрасный друг... – медленно пошел к дверям храма.

Певец минутку колебался. Но вот он срывается с места, бежит за ушедшими незнакомцем. «Хорош, нечего сказать, – думает он, – слышал он «Песню ранения» не в этом храме!». Ну и что ж, он догонит его сию минуту и спросит как тот, другой, спел «Ахура Ашва».

Певец нагоняет незнакомца, и они вместе выходят за массивные ворота каменной стены – ограды. Идут по пустынной тропе к морю и молчат. Выходят на берег и, не сговариваясь, закуривают, хотя певцу и не положено курить, – он должен беречь голос.

Монотонно рокочет море. Незнакомец начинает рассказывать:

– Удивительное это явление – человеческая память. Если и есть у нас, людей, что-то непостижимое, что-то стихийно свободное, так это наша память. Идет время, и бессмертный океан времени начинает смывать своими волнами многое из того, что тебе дорого и свято. Но это так нам только кажется. Есть события, не подвластные волнам времени, и о них человек будет помнить всегда.

То, о чем я расскажу Вам сейчас, рвалось из меня давно. Просто не было подходящего случая, да и сам я многого не

понимал в том, что произошло много лет назад в одном из фашистских концлагерей.

Лагерь этот был страшным местом. Пытки, издевательства стали чем-то обычным. Убийство человека, даже самое зверское, редко поражало даже узников, не говоря уже об охране.

Лагерь был большой, и в нем имелось все, чем оснащались все фашистские лагеря Германии: и колючая проволока, через которую пропускали ток, и крематорий. Лейтенант Александр Сангулия, ваш земляк, считался одним из первых «кандидатов» на вылет через трубу – так горько шутили заключенные по поводу смерти через крематорий. Александра Сангулия взяли в плен под Керчью обескровленного, без сознания. Когда привели в чувство, то пытались добить у него сведения о расположении свежих частей. Но лейтенант на всех допросах упорно молчал, и фашисты, допрашивавшие его несколько раз в день, так ничего от него и не узнали. Не узнали даже его имени, фамилии, и в регистрационной карточке он был записан как «Молчун».

Его отправили в Германию. Лагеря, куда попадал Сангулия, его не сломили, он выделялся среди серой массы измученных заключенных своей гордой осанкой. Александр постоянно подвергался издевательствам охранников. Несколько раз он пытался бежать. К осени его перевели в наш лагерь – отделение знаменитого Бухенвальда. Эсесовцы, да что там эсесовцы! Начальство лагеря, охрана не могли заставить этого человека поступать сообразно с лагерными «правилами». Он открыто бросал вызов смерти. И комендант лагеря Отто Рунге, считавший себя знатоком Кавказа, потому что воевал в ваших горах и был вышвырнут отсюда вашими солдатами, ранен и после госпиталя получивший назначение в концентрационный лагерь, стал объяснять всем, что ему, дескать, даже нравится такое строптивое поведение заключенного. Но не забыл приказать, чтобы на штаны и полосатую куртку Сангулия нашили над номером

флюгпункты – красные знаки. По такому заключенному охрана могла стрелять без предупреждения. Я работал в лагере переводчиком и состоял в подпольном комитете. В этом лагере, как и в подавляющем большинстве немецких лагерей, была своя сплоченная подпольная организация, куда входили люди разных национальностей.

Я и мои товарищи по подполью следили за номером 4413. Таков был лагерный номер Сангулия. Обычно я заходил в барак, где находился Александр, вечером.

Сангулия безучастно лежал на третьем ярусе нар, отвернувшись лицом к стене. В разговоры с товарищами по несчастью не вступал и даже не заговаривал с советскими пленными кавказцами. Жестоко страдал, как и все, от голода, но никто ни разу не слышал от него ни единой жалобы. Но однажды пораженный барак стал свидетелем взрыва необычного гнева «Молчуна».

Я, как обычно, зашел в этот барак, чтобы встретиться там с одним товарищем по подполью. Меня опередила группа уголовников. Они ввалились в барак, их было четверо. В руках одного из «урок» была балалайка. Да, русская балалайка и он, подыгрывая себе на ней, с подвыпиванием запел частушку:

– Пароход плывет мимо пристани, будем рыб кормить коммунистами, пароход плывет волны кольцами...

Сангулия, не дослушав частушку, спрыгнул с нар, вплотную подошел к поющему и строго спросил:

– Ты каждый день поешь эту гадость или только сегодня?
– Явление, – заорал второй уголовник, парень одних лет с Александром, – Молчун заговорил!

Александр не обратил внимание на этот выкрик и еще ближе придинулся к балалаечнику и медленно, содержанной яростью произнес:

– Если будешь петь такие песни, останешься без своего похабного языка. Если ничего лучшего твой язык не может прозвучать, лучше помолчи. И Родину нашу не позорь, понял!

– Помолчи! – с издевкой произнес уголовник. – К тебе, что ль, в ученики пойти, поучиться молчать? А мне на твои слова – тьфу! Наплевать! И без руководящих тут указаний – хочу и пою!

Александр Сангулия обернулся. На крик не захотел отвечать криком, тихо сказал:

– Побереги плевки, а то и самого растереть недолго. Нечуяли в тебе ничего нашего не осталось, только такие вот частушки? Советую обновить репертуар и другие песни вспомнить!

– Зависть к таланту! – закричал опешиивший поначалу уголовник. У самого-то, небось, ни голоса, ни слуха нет!? С неожиданной проникновенностью Александр громко сказал:

– Ты самый главный талант потерял – совесть! А когда надо будет спеть – спою, и не хуже тебя! Выметайся из барака, да поживее! И полез на свои нары, на третий ярус. Лег на бок, отвернувшись к стене, и больше ни с кем не заговаривал. Уголовники вошли было в кураж, но, видно, барак был целиком на стороне своего товарища. Им пришлось убраться. Столпившись под окном, они посыпали проклятия Александру, угрожая расправой. Но Александр как будто ничего не слышал, лежал на нарах, как окаменевший.

На второй день к Александрю подошел один из подпольщиков, Николай Спринчану, молдаванин, и сказал:

– Ты вчера правильно проучил уголовника, но учти, их в лагере немало. Что если угрозу о расправе они исполнят?

– Убьют, – отвечал Александр. – Смерти я не боюсь, мне уже терять нечего. Видите? – и указал на красный флюг-пункт на робе.

Всех военнопленных и нас – подпольщиков, поражало необычное для лагеря поведение Молчуна. Он не чуждался других заключенных, но и ни с кем не сблизился, не хотел иметь товарищем. Был одинаково ровен с соседями по бараку. Не скрывал своей ненависти к охране, и не только к

тем, у кого была свастика на мундирах, но и к нам, простым немцам. Он ненавидел нас, все, что связано было с нами: наш язык, наши лица. Ненавидел Германию.

Позже, когда мы с ним стали близкими друзьями, он рассказывал о своем состоянии так: сражаясь на фронте, он участвовал во многих схватках, был командиром, жизнелюбом. Учил своих товарищей по оружию мужеству и многому научился у них. Был полон уверенности, что победа наступит скоро, и он вернется домой, в свою родную Абхазию. Александр не представлял себе, что он может умереть молодым, не построив новую мудрую жизнь, не увидев своего черноволосого сына Алхаса, своей любимой красавицы жены Хани, своей мамы, своих братьев и сестер, своего селения с удивительным названием «Лыхны». Помню, в короткие минуты отдыха он мечтал, как вернется домой. В шинели, он светлым днем выходит из вагона в Сухуме, садится в автобус, едет мимо городка детства, Гудауты, и сворачивает направо мимо здания городской поликлиники и потом идет пешком к родному дому, взбегает на второй этаж и видит всех разом: мать, сестер, братьев, жену и сына. Все попадают ему в объятия. Он так верил, что никакая война не сможет отнять у него этого победного возвращения, безмерной надежды на свое личное счастье и счастье всей своей Родины. Но раненый в тяжелейшем бою, без сознания, вначале оказался в фашистском госпитале, а после допросов, где от него ничего не добились махровые палачи, попал в лагеря.

Но то, что творилось в фашистских лагерях, выбивало у него уверенность в счастливом возвращении домой. Нет, он не потерял веры в себя, но он не сумел приспособиться, молча сносить издевательства, унижения. И на каждое унижение отвечал по – своему. Его били, и он бил, его оскорбляли словами, он не оставался в долгу. Особенно после того, как стало известно, что никакой он не «молчун». Он

был молод и не понимал тогда, что в борьбе в одиночку нет никакой пользы.

А как он казнил себя за то, что зная о предстоящей войне, женился, оставил жене сына. Все то, что казалось ему раньше счастьем – любовь единственной прекрасной девушки – все это чудилось ему теперь огромным несчастьем для Хани и его сына, которые останутся теперь без него. Но помимо страшной тени лагерной жизни, нависшей над каждым заключенным, его порой охватывало такое счастье, когда он вспоминал о Родине, о своих близких. Бывало скажет: – Прости меня, Эрих, хочешь, я расскажу тебе, как мы познакомились с женой? Мы были из одного села, вместе играли в детстве. Она училась в строительном институте, и так незаметно выросла, и стала красавицей. Я приехал в родное село на каникулы и по дороге домой встретил молоденькую девушку в темном пальто и белом вязаном шарфика. Она шла торопливо, и чем быстрее мы приближались друг к другу, тем яснее я видел белизну ее кожи, тяжелые пряди ее черных волос, ее удивительные глаза.

– Неужели, – подумал я – в нашем селении живет такая красота? И почему именно здесь я должен ее встретить?

Я отступил в сторонку, чтобы дать ей дорогу. Она украдкой взглянула на меня и продолжала идти. Мы разминулись. Я повернулся и пошел вслед за ней. И она остановилась. Она стояла, пронзенная светом, в своем темном пальтишке. Я видел ее черное пальто, белый шарфик, румяное лицо и все слова испарились из моей головы...

– Извините, извините... – проговорил я. Но как ни напрягал память, не мог вспомнить, где я ее видел раньше. Подняв ко мне лицо, девушка спокойно рассматривала меня, и тут я обнаружил, что глаза у нее медовые, обрамленные черными ресницами, глубокие. Ее удивительные глаза.

А потом пошел легкий снежок. Снежинки танцевали в воздухе, как маленькие балеринки; несколько снежинок по-

висли у нее на ресницах и медленно таяли, а я топтался на дороге, как неуклюжий медвежонок и тоже таял, бессмысленно твердя:

– Извините, извините...

Девушка улыбнулась, губы ее озорно дрогнули, и она назвала меня по имени.

– Александр!

Я словно очнулся. Вспомнил ее имя, и оно показалось мне самым прекрасным на свете.

– Ханя, я ведь тебя не узнал, быть тебе богачкой!

Я весь залился краской, а она с улыбкой смотрела на меня – красивая, необыкновенная, чудесное видение ...

– Я и так богачка – сказала она, – знаешь, я поступила в строительный институт!

Мы стали видеться каждый день. Я был счастлив. На каждую встречу я шел как на праздник, и тысячу раз благословлял сельскую тропку, которая нас свела. Все мне представлялось необыкновенно легким, осуществимым. И наши чудесные горы были самой величественной оправой нашего счастья. Куда бы я ни шел, всюду видел ее удивительные глаза. Уже будучи на фронте, я постоянно чувствовал ее где-то вблизи себя, и ее любовь даже здесь, в лагере согревает меня.

Я не останавливал его речей. Все продолжительней становились наши встречи, и он радовался, что видит во мне друга. Это в немце – то, кого он так жестоко ненавидел. Его сын учился ходить, когда он воевал, был ранен, попал в ад – в фашистские лагеря. Однажды при очередной встрече Александр казался мне бледнее, молчаливее, чем обычно. Мы сидели в подвале котельной, куда совершенно не проникал свет. Сидели при свете моего маленького электрического фонарика. Сюда должен был прийти руководитель нашего лагерного подполья Ашот Айвазян, до плена – полковник Советской Армии.

Я сам, как немецкий коммунист, сидел в лагерях еще до войны. За десяток лет, проведенных в застенках гитлеровского режима, я хорошо изучил повадки и психологию своих врагов, все изуверские трюки их кровавой профессии. Ашот Айвазян поручил мне вскользь сообщить Отто Рунге, что номер 4413, под кличкой «Молчун», не зря скрывает свое имя и звание. Может быть, у него есть вина и большая перед своей страной и, убив его, он, комендант, лишится человека, который, быть может, знает какую – нибудь государственную тайну; быть может, со временем он станет в ряды охраны, надеждой лагерной охраны. Дерется он здорово – не раз от Александра доставалось капо и охранникам. Он демонстрировал такое умение владеть рукопашной, что комендант, человек жестокий, ограниченный и трусливый, попался на мою «удочку», и таким образом на какое – то время жизнь Сангалия была спасена.

Мы, антифашисты, направляли его на сравнительно легкие работы, старались угостить то сигареткой, то кусочком хлеба. Последнее время он немного отошел от своего жесткого принципа – отказывать себе во всем. Однажды я свел его на работе с Михаилом Спринчану – первым заместителем Айвазяна по подполью. Этот старый уже человек суро-во отчитал Александра.

– Почему вы бессмысленно рискуете своей жизнью? Специально ищите смерти? Вы же не добровольно сдались в плен. А как мне известно, вас подобрали на поле боя без сознания.

– А что, – возразил Спринчану Александр, – лучше быть погребенным заживо?

– Мы будем погребены, если станем бессмысленно рисковать и преждевременно отдадим себя в лапы смерти!

– А чего нам ждать? И до каких пор? – глухо спросил Александр.

– Докуда будет нужно! – раздельно сказал Спринчану. Между прочим, «Молчун» – это ваше лагерное прозвище, а настоящее имя какое?

– Я – лейтенант Советской Армии, абхазец, Александр Сангалия.

– А я – Михаил Спринчану, молдаванин. Звания моего вам пока не положено знать, – сказал старший товарищ по подполью и улыбнулся. Хорошо, что ты с Эрихом подружился. Теперь ты насчет немцев тоже разобрался, не меришь всех на один аршин. И бьют немцы, и ночью хлеб и курево приносят тоже немцы. Понял меня?

Я хочу поподробнее рассказать о нашей дружбе с Александром. После той первой стычки Александра в бараке, когда он прогнал уголовника, поющего похабную песню, товарищи решили, что я должен с Сангалия поговорить. Тогда мы его еще звали «Молчуном».

Как-то в один из вечеров его позвали товарищи по подполью и привели ко мне в кабинет. Да, у меня как у переводчика был свой кабинет, хотя как коммунист, я не пользовался доверием у фашистов. Но в кабинете разговора у нас не получилось, и мы пробрались в котельную, в подпольное помещение. Меня познакомили с ним приведшие его товарищи.

– Познакомься, геноссе Эрих, ты у нас любого можешь разговорить своим ласковым языком. Может, эту кавказскую скалу тоже оживишь, – пошутили они и ушли, оставив нас вдвоем.

– Не думаю, что у меня получится, – сказал я и пригласил «Молчуна» присесть.

Он сел. Разговор пошел на немецком языке. Александр говорил односложно, с трудом подыскивая нужные слова, да и то не очень для меня, немца, приятные. Он откровенно ругал немцев самыми обидными для меня словами. Когда он выговорился, я мягко сказал:

– Давай говорить по – русски. Я учил этот великий язык в Сорбонне, где когда – то учились великие умы, великие философы … И ты не будешь коверкать немецкие слова. Мое упоминание о классической немецкой философии убедило его.

Он строго взглянул на меня и тихо спросил: – Что вы от меня хотите?

Я посмотрел на него и очень серьезно ответил:

– Только одного. Чтоб ты сохранил свою жизнь. Прекрати драки с эсесовцами, капо, уголовниками. Не надо доставлять им удовольствие лишить тебя жизни. Мертвые – не борцы.

Мы стали встречаться. Говорить вначале много приходилось мне. Потом он стал удивляться моему поведению с эсесовским начальством. Моя манера разговаривать с фашистскими чинами возмущала его. По приказу подполья я четко исполнял роль сломившегося человека. Если меня звал кто-нибудь из эсесовцев, я быстро подбегал к зовущему, еще издали сдергивал с головы кепку и смирно стоял, не забывая повторять по несколько раз такие слова:

– Яволь! Герр Командарм!

Айн момент, Герр Командарм!

И никто из этих «командармов» не догадывался, что я подпольщик и веду работу по сплочению людей, готовлю их к сопротивлению. И когда Александр понял, что стоит мне, проведшему половину своей жизни в застенках, играть эту роль, каким ничтожным показался ему его собственный протест одиночки, бесцельный вызов фашистам. И он стал упорно учиться. Учиться железной выдержке, умению владеть собой, бороться в чрезвычайных условиях плена. И товарищи стали ему многое доверять. А у меня он однажды попросил извинения:

– Эрих, а почему ты не врезал мне хорошенъко, когда слушал мой бред о ненависти ко всем немцам? Ведь я путал

ненависть к нацистам с ненавистью ко всем немцам. И благодаря тебе я узнал, что лучшие немцы продолжают борьбу. Много твоих товарищей погибло в этой борьбе. Прости меня и за себя, Эрих, и за твоих товарищей!

– Ты коммунист? – спросил его как – то, вроде невзначай, Михаил Спринчану. Александр ответил, что нет. Там же в лагере мы приняли его кандидатом в партию. И рекомендации ему дали лучшие подпольщики. Он с честью выполнял новые задания. И теперь уже сам учил и направлял по пути борьбы других. Человек на глазах преображался. Ничего ему не было страшно: ни непосильный труд, ни отвратительная лагерная баланда, ни издевательства охранников. Все он преодолел. И даже больше – Александр имел удивительный талант вызывать к себе теперь уже даже симпатии охраны.

В подвале той же котельной, где мы с ним встретились в первый раз, он предложил оборудовать маленький лагерный клуб. И однажды в лагерь с воли передали радостную весть: армия Паулюса под Сталинградом окружена! Ашот Айвазян, Тамаша Алоев, Михаил Спринчану, я и Александр Сангулия собрались в этом клубе. Ребята от радости стали тихо петь. Потом изуважения ко мне спели на немецком языке гимн рабочих – тельмановцев. На русском языке этот гимн звучит примерно так:

– *Марш левой, два – три,
Марш левой, два – три,
Стань в ряды, товарищ, к нам,
Встань на борьбу, в рабочий фронт,
Потому что рабочий ты сам!*

Они пели, а у меня текли по щекам слезы.

Александр Сангулия мгновенно понял мое состояние и подсев ко мне, обнял меня и запел песню на абхазском. Го-

лос, даже приглушенный, был очень приятный и мелодичный. Когда он закончил, я спросил:

– Что за песню ты сейчас спел, Александр?

Александр был необычайно суров в ту минуту и ответил:

– Я спел тебе абхазскую песню Ранения. Эта песня помогает упавшему подняться, возвращает мужество и дает новые силы для борьбы. Эта песня смеется над врагом. С этой песней мои предки умирали на полях сражений. И я спел тебе, Эрих, чтобы осушить твои слезы. И его непреклонные глаза заглянули мне прямо в душу. Он больше ничего мне не сказал. Слова были уже не нужны. Так он вернул мне долг, теперь сам подбадривал меня. А растеряться и мне было от чего. Я прошел путь подпольщика, со всеми его поражениями и победами. Нам, коммунистам, было чего стыдиться, ведь в Германии родились Карл Маркс, Фридрих Энгельс, создавалась партия Тельмана, и мы не смогли не допустить это чудовище – Гитлера – к власти. Однажды меня провели по улицам Берлина. Люди пели, смеялись – был очередной фашистский праздник по случаю очередной победы. Кажется, тогда Гитлер покорил Польшу. Меня же и моих товарищ, немецких коммунистов, зверски избитых, одетых в полосатые тюремные робы с табличками на груди, оскорбляющими человеческое достоинство, провели по улицам родного города. И детей, нарядно одетых детей, взрослые заставляли швырять нам в лицо камни и, указывая на нас, учили этих несмышленышей нас ненавидеть. Когда нас привели обратно в тюрьму, фашисты, глумясь над нами, кричали:

– Вы теперь все поняли, коммунистические ублюдки? Никогда и никто вам не поверит и не пойдет за вами и вашим Тельманом!

И там, в подвале лагеря, прижатый рукой Александра к его исхудавшей груди, я сидел и навзрыд рыдал. И со слезами на глазах объяснял товарищам свое отчаяние: я почти кричал им о том, что они, советские люди, здесь в лагере в

тысячу раз счастливее нас, немецких коммунистов, потому что за ними весь многонациональный народ СССР и великая сила – Красная Армия. А мы, кучка убежденных коммунистов – тельмановцев, мы одни против всех. Нас убивали поодиночке. Такие, как я, были одни против всех.

Александр удивленно посмотрел на меня и сказал такое, что я никогда, на протяжении всей жизни, уже не смог забыть.

– Эрих, ты и твои товарищи-коммунисты, не одни против всех, а наоборот – одни за всю Германию! Ты не имеешь право терять веру в свой народ!

Эти слова он произнес, обняв меня еще крепче. И опять тихо запел свою удивительную песню Ранения. Убаюканный и ободренный ее словами, хотя и не понятными, я был уже тогда потрясен силой духа вашего народа, создавшего такую удивительную песню. Как там в ней поется:

– Эй! Бинтуйте песней рану!
Атла, псирири, – псикуана!

Это был один из звездных часов в нашей тяжелой лагерной жизни. Руководитель подполья советских военно-пленных Ашот Айвазян говорил тогда о том, что нельзя лить слезы. Будьте твердыми и помните, что нас убивают, но никто не сможет убить в нас веру в Победу! И право бороться за светлое будущее всей Земли никто отнять у нас не сможет! Нельзя пасовать перед сложностями жизни! Настоящие борцы – не догматики с готовой формулой на все случаи жизни. Борцы не упрощают действительность, а постигают ее сложности.

Михаил Спринчану, не скрывая радости по поводу вести об окружении армии Паулюса на Волге, воскликнул тогда:

– За все ответит Гитлер и его приспешники: за кровь невинных, за наши муки, за жизни их! Погибшие не позади

нас, они впереди. Факелами светятся их жизни, отданые за возрождение свободы.

Слова, которые говорились в тот вечер моими товарищами, вдохновляли и окрыляли меня. Слезы мои – слабость перед товарищами, были осущены и мы долго обсуждали пути нашей борьбы. И каждый из нас свято верил, что мы найдем средство, чтобы развеять этот мрак над народами, которым окутал их гитлеризм. И снова засияет счастье и на лице моего, обманутого нацистами, народа.

Вдруг в разгар нашей беседы в подвал вошел связной, санитар из лагерного госпиталя, Отто Блайхерт. Он был очень взволнован.

– Товарищи! В лагерь приехал управляющий племенным конезаводом Франц Гюнтер... Завтра два десятка кавказских пленных вызовут к коменданту. Этот Гюнтер приехал за заключенными. Зачем они ему нужны, я не узнал. Комендант лагеря отложил личные дела всех, кто здесь находится. Мне об этом сообщил хирург госпиталя. А Франц Гюнтер, старый жокей, холуй Кальтенбруннера, дослужился до должности управляющего заводом племенных коней. Может, ему нужны люди по уходу за лошадьми?

Мы все прощаемся. Александр прижимается теперь сам к моей груди, я долго не отпускаю его.

– Прощай, Эрих!

– Ауффидерзайн, Александр! Я уверен, мы еще поборемся вместе. Что бы ни случилось, продолжаем бороться!

– Твоя дружба, Эрих, будет помогать мне всегда, даже если я буду вдали от тебя, – отвечал мне Александр Сантулия.

Утром двадцать кавказцев под взглядами сотен заключенных были посажены в закрытые машины. Кавказцы шли прямо и, перед тем как скрыться в машине, поднимали к плечу сжатую в кулак руку, отдавая нам, оставшимся, старый салют рот-фронтовцев.

В сентябре 1944 года, вскоре после ошеломляющей победы русских в битве за Кавказ, где гитлеровская армия растеряла весь свой «патриотизм», остатки знаменитых «Эдельвейсов» рассовали по другим армиям. Старые служаки из этих горных дивизий, уцелевшие в ваших горах, были пристроены на службу в лагеря. Франц Гюнтер, ближайший дружок начальника нашего лагеря, Альфреда Рунге, подвизался теперь у Кальтенбруннера, но не в ведомстве этого матерого человеконенавистника, а около любимых этим фашистом лошадок. И вот заботы о породистых лошадях заставили бывшего вояку Франца Гюнтера всерьез заниматься любимцами Кальтенбруннера. Конезавод в последнее время пополнился – со всех концов оккупированной немцами территории привозились лошади, и на заводе велась образцовая работа по выведению чистых пород. На территории завода был прекрасный ипподром.

Гюнтер, придавая огромное значение своей новой службе, делал все возможное и даже больше чем возможное, чтобы отличиться перед Кальтенбруннером. В наш лагерь должны были приехать высокие армейские чины и Альфред Рунге Гюнтер стали ломать головы, чем бы им удивить этих штабных «крыс», как они между собой называли своих более удачливых собратьев – нацистов. Кому из них первому пришла мысль провести на ипподроме конезавода скачки, я не знаю. Факт только то, что затея эта была горячо поддержана Альфредом Рунге. Он тут же решил отобрать кавказцев из числа военнопленных, которые могли эту затею осуществить. Гюнтеру же представлялась необыкновенная возможность продемонстрировать Кальтенбруннеру свою добросовестную работу. Да и офицеры, приглашенные из многочисленных госпиталей на это зрелище, будут подбраны острым развлечением.

Франц Гюнтер поделился своей идеей с Рунге и попросил его выделить два десятка пленных с Кавказа, умеющих

сидеть в седле. Между собой они договорились, что двадцать пленных, переданных на конезавод Гюнтеру Альфредом Рунге, не будут нигде в документах зафиксированы. Речь ведь идет о пленных – их можно просто вычеркнуть из списков.

Альфред Рунге любезно согласился оказать эту услугу своему лучшему другу.

Все остальное вы уже знаете: и Александр Сангулия, и многие члены подполья попали в этот список. На следующий день их доставили на конезавод. Меня Альфред Рунге взял с собой как переводчика, кроме того, мне вменялось в обязанности следить за этой группой.

Гюнтер перезнакомился со всеми пленными. Узнав из досье, что Александр Сангулия – абхазец, Гюнтер приказал доставить его лично.

То ли Францу Гюнтеру вспомнились ваши перевалы, но он очень волновался. Когда его помощник доложил о приходе пленного, в его кабинет набилось до черта охраны. Перевод разговора Гюнтера с Сангулия опять был поручен мне.

Александр держался внешне спокойно и глядел на Гюнтера без малейшего подобострастия.

– Номер 4413, – обратился к пленному начальник конезавода – .., завтра на вверенном мне заводе и ипподроме будут происходить состязания с участием немецких жокеев и кавказских пленных. В ваше распоряжение будут даны отличные лошади. Вам и вашей группе предстоит пройти несколько кругов по ипподрому – 5000 тысяч метров. Если удастся подать хорошее зрелище, а вы должны понимать, что такое получится только при нашем полном взаимопонимании. Скакать не возбраняется в любом темпе, но на последних кругах вы должны отстать, т.е. вы меня понимаете... Если этот сценарий получится отличным, обещаю не только сохранить всем вам жизнь, вы будете переведены в привилегированные условия – легкая работа и хорошее пи-

тание будет вам обеспечено. Таким образом я даю вам шанс на человеческое существование в условиях плены. Все в ваших руках. Вы согласны со мной?

Александр посмотрел на Гюнтера, потом на меня и ответил:

– Мне бы хотелось как – то украсить ваш сценарий, герр Гюнтер. Если бы можно было одеть всех нас в советскую военную форму, эффект от зрелища был бы сильнее.

– О, это чудесная идея! – воскликнул Гюнтер, выслушав мой перевод. – Я тоже офицер и прекрасно понимаю, что для военных это будет подперченное зрелище! Что у него еще? Мысли, идеи? Пусть говорит!

– Еще пленный просит, чтобы эту ночь все участники заутрашних состязаний спали вместе в одном бараке.

– Это зачем? – насторожился Гюнтер, глядя на Сангулия.

– Я проведу разъяснительную работу среди пленных. Или вы хотите иметь дело с бестолковыми исполнителями?

– О, он очень умен, этот абхазец. Впрочем, он не похож на покорного исполнителя наших приказов. Нет, не переводи ему это. Скажи, что я на все согласен.

– У него еще одна просьба, герр Гюнтер.

– Не слишком ли много просьб! Ну, спросите его, чего он еще хочет?

– Скажи ему, – медленно проговорил Александр, – пусть позволит нам самим выбрать коней, и я организую ему такие скачки, что он за всю жизнь такого не увидит. Но согласится ли этот бывалый жокей? Если бы согласился...

Я перевел...

– Он хочет отличиться, это похвально, – Гюнтеру понравились собственные слова. Я тоже испытываю настоящий спортивный азарт.

– Будьте уверены, герр Гюнтер, – пленный говорит, что скачки с доверенными ему людьми он проведет сенсационно. Будет о чем поговорить вашим штабным крысам даже в самых верхах.

– О, он читает мои тайные мысли! – развеселился Гюнтер, даже забыв о своих собственных неудачах в горах Кавказа. – Уведите его!

Александра увели. Я остался в кабинете один на один с Гюнтером. Гюнтер начал ходить по кабинету и рассуждать вслух. Он говорил о разгроме наших дивизий на Кавказе, о рухнувших надеждах на захват нефти, на прорыв на восток, из – за чего он, Гюнтер, вместо хорошего теплого местечка получил должность управляющего конезаводом. Правда, многим пришлось навечно остаться в тех треклятых горах.

Если этот заключенный поможет ему организовать хорошие скачки... В живых я его все равно не оставлю, как и всю группу. Такие же кавказцы были виновниками позора «Эдельвейсов». Как бы они ни старались выполнить все, что он, Гюнтер, требует – им несдобровать.

Эксперимент обещает быть захватывающим интересным. Жокеев – немцев можно будет наградить. Это произведет неотразимое впечатление на раненых офицеров, лечащихся в окрестных госпиталях.

Главная опасность с этими пленными – их фанатичный патриотизм. Но, кажется, я смог повлиять на их психику. Завтра они, как подопытные кролики, будут выполнять мою волю.

– Знаешь, Эрих, старина! Я беседовал с одним стариком на Кавказе. Он из бывших черкесских князей. Я ведь воевал и на Северном Кавказе. Так он мне сказал, что мы, немцы, очень опоздали прийти к ним: его внуки и сыновья, новое поколение, сражаются против нас. И это новое поколение будет неистово сражаться за СССР. Сегодня я увидел, что старик не прав – видите, как это поколение хочет выжить? Любой ценой. О, они будут разочарованы, когда после представления на ипподроме я прикажу их расстрелять! Хотя я знаю ваши личные симпатии к некоторым из них. Например, этот Сангулия. Мне он тоже симпатичен, но его ждет, увы, та же участь, что и других.

Завтра мы станем свидетелями бодренького зрелища! Скачки с пленными! Я что – то не припомню такого зрелища. Не слишком ли легкая задача для моих жокеев? Будет досадно, если эти голодные пленные в усердии заработать себе на жизнь начнут сваливаться с лошадей. Будет неинтересно, если преимущество моих жокеев станет заметным с первых кругов. Впрочем, этот Сангулия, по – моему, должен неплохо разбираться в обстановке. Он даже не безынтересный человеческий экземпляр. Но ему тоже ничто не поможет...

– Этот человек, как пламя! – вставил слово один из охранников, вошедших в кабинет. Я отвел его в барак. У него глаза горят, как угли!

– Не болтай чепухи! Нет такого пламени, чтобы мы его не потушили. Ты лучше приведи его в полночь ко мне в кабинет, я еще раз хочу с ним побеседовать.

– Слушаюсь, герр Гюнтер.

– А Вы, Эрих, – обратился он ко мне, – можете пойти сейчас к нашим подопытным кроликам и провести их по конюшням; пусть посмотрят, что лошади на вверенном мне заводе не туфтовые, а чистейших пород.

Я пошел к заводскому бараку и взял только одного Сангулия и повел по конюшням. Майн Готт! Как обрадовался Александр, когда увидел кабардинских коней. Он подбежал к одному красавцу, обнимал его, перебирал гриву, целовал в шею, потом вскочил на него, и конь, как бы понимал его, вел себя совсем мирно.

Прокакав немного по ипподрому, Александр отвел коня на место, тщательно обтер его бока, морду, еще раз поласкал. И я почувствовал, что передо мной стоял уже не узник лагеря, а воин, готовый к бою, не сломленный и не побежденный. Хотя бой ему предстоял не с оружием в руках. Потом мы пошли обратно в барак. У меня язык не поворачивался сказать ему, что часы его жизни и тех девятнадцати,

оставшихся в бараке, сочтены. По окончании скачек их всех расстреляют! Был очень теплый вечер. Вокруг завода рос сосновый бор, и воздух был пропитан ароматом смолы. Где – то залился смехом девичий голос. Александр остановился. Как давно он не слышал человеческого смеха!

Мое молчание он нарушил и первым прямо спросил:

– Эрих, этот Гюнтер ничего не сделает для нас из того, что обещает? Или еще хуже, прикажет после скачек перестрелять?

О, что у него была за интуиция! Лоцманом его поведения была удивительная интуиция. Я сказал ему всю правду – да, после «скачек» их ждет смерть. Александр отвернулся и пошел к темневшему вдали забору. К нему подбежал охранник, закричав свое обычное «хальт!» Но Александр пошел прямо на него. Тут уж я закричал по – немецки охраннику, чтобы тот не вздумал стрелять и объяснил, что этот пленный нужен Гюнтеру и ему, охраннику, не поздоровиться, если хоть волос упадет с головы пленного.

– Гут, – сказал охранник и пошел в другую сторону.

Александр стоял, прислонившись к забору. Выплыла из – за тучи луна, и я увидел его бледное лицо, его удивительные глаза и стал, как мог, его утешать.

– Ладно! – проговорил он и пошел к бараку, – Ладно! – повторил Александр, оглянувшись на пустынное поле ипподрома. – Ладно!! – еще яростней сказал он. Завтра за все сочтемся! Спасибо, Эрих, ты настоящий мужчина, а то мог бы пожалеть нас, не сказать правды.

В это время к нам подошел конвоир со шрамом на лице.

– Окопник бывший, – бросил как бы, между прочим, Александр, – на наших фронтах небось угостили!

Конвоир провел Александра к бараку. внутри на нарах лежали остальные девятнадцать участников завтрашнего представления. Когда мы вошли в барак, там стоял веселый смех и, если смогу, постараюсь пересказать это в голосах.

1-й голос: – Ребята, меня зовут Амилсултан Алиев, мой дед – чеченец говорил: умение вникать в лошадь – особый дар, как у художника или музыканта.

2-й голос: Я – Сабир Гусейнов из Баку. Перед войной мне жена сыновей родила, близнецов!

3-й голос: Я – из Дагестана, Заурбек Цадас. У нас в ауле, когда мальчишке исполняется шестнадцать, он должен с крыши сакли прыгнуть в седло мчащегося коня!

4-й голос: Я – Петрос Авакян из Еревана. У меня одно сердце и оно полно ненависти. Я городской житель, но завтра вместе с вами удержусь в седле, чтобы не опозорить седые вершины нашего Кавказа.

5-й голос: Я – Николай Донской, родился в городе Ростове. Отец мой был капитаном – пехотинцем, погиб. Я потомственный военный – завтра не посрамлю донских казаков!

6-й голос: Я – татарин, Шакир Мухсинов. Невесту увез на горячем коне и война началась.

7-й голос: Я – Тамаша Алоев, кабардинец. Мы обязательны выиграем. Их расчет на наш проигрыш не оправдается!

С угловых нар поднимается маленький тщедушный человек и говорит: Я – Миша Чхиквашвили, еврей из Тбилиси, парикмахер. Может, я и вылечу из седла, но утром я вас всех побрею. Бутылок здесь пустых много, осколками стекла брить буду!

Я слышал голоса этих мужественных людей в ту последнюю их ночь на земле и мысленно прощался с ними. Прощайте, мои дорогие товарищи! Если будет суждено мне пережить вас, подвиг ваш не будет забыт.

Александр присел на край нар и сказал:

– Что ж, очень хорошо, что в бою погибнем, а не в гнилом вонючем бараке. Уйдем из жизни прямо с боя!

Эрих, что хочешь сделай, но организуй нам помыться и сменить робу. Так по стариинному обычаю полагается.

Я подхожу к двери и зову охранника.

– Их битте михъ вашен цу дюрфен /разрешите им помыться.

Конвоир ворчит, но разрешает, – Мак шон, абер далли / пусть моются, да поживее!

Они срывают с себя робы и идут в умывальную. У краинов загребают ладонями воду, брызгаются, плашут воду друг на друга, трут друг другу худые спины. Я смотрю на их изможденные тела, и сердце мое захочется от жалости.

Я вспоминаю жирные телеса Отто Рунге и холеные руки Гюнтера Франца и вздрагиваю от отвращения и гнева.

– Завтра двадцать отважных сердец перестанут биться, – думаю я, – и эти две старые гадины будут придумывать новые развлечения и убивать так же равнодушно, как убивают этих пленных.

Приносят советскую форму. Ребята надевают ее прямо на мокрые тела, натягивают сапоги. Александр в военной форме совсем другой – ладный, изящный; на бледном небритом лице появляется румянец. Черные короткие волосы серебрятся сединой.

Без напоминаний они протирают за собой пол в умывальне и идут в барак, неся под мышкой полосатую робу. Им принесли ужин. Они едят хлеб со свекольной жижицей, именуемой у нас повидлом. Я еще раз захожу к ним в барак. Мне хочется как-то выразить им симпатию, пожелать им спокойной ночи. Они говорят мне по – немецки «данке» – наше спасибо.

Я пришел к ним во второй раз не с пустыми руками – принес им безопасную бритву, чтобы Миша Чхиквашвили мог их наутро побрить.

А в полночь меня опять разбудили, и тут же охранник повел меня к управляющему конезаводом. Ночь была тихая, совсем мирная, звезды мерцали, светила луна; кто-то играл на губной гармонике, вероятно, охранник, чтобы не уснуть на посту.

Александр уже сидел за столом. Напротив него в кресле развалился Франц Гюнтер. Александр в советской форме выглядел значительно моложе своих лет.

– Как много значит форма! – думается мне.

Александр днем немного нервничал при первой встрече с Гюнтером, сейчас он уверенно глядел перед собой, спокойно, смело, но без вызова. Гюнтер, наоборот, волнуется. И я с удивлением замечаю, что у него дрожат руки, он даже обескуражен и не знает, с чего начать разговор. Потом он делает мне знак, – Спроси у него, где он воевал против Германии? – приказывает он своим скрипучим голосом, – и предложи ему вино, водку, шоколад!

Гюнтер замолкает и глядит на Александра. Они как бы разговаривают глазами: Гюнтер своим голубыми стариовскими и Александр черно-пламенными. Гюнтер первым отводит взгляд. Александр отчетливо говорит: – Я не пью! И отвечает Гюнтеру, что с начала войны он воевал на Керченской земле, и воевал отлично.

– Переведи ему, что не одного фашистского гада убил своими руками.

Я не стал переводить эти слова Гюнтеру, но он сам что – то почувствовал неладное и приказал увести Александра в барак. Когда конвоиры увели Александра, он сказал мне:

– Вы видите, Крамер, как много в советских пленных неуважения к нашей арийской расе. Они не могут понять нашего благородства, нашей культуры. Я принужден изменить свое решение: я хотел оставить его в живых, одного из двадцати, за то, что он выразил несколько оригинальных мыслей. Даже если он завтра превзойдет самого себя и угодит мне, его надо расстрелять вместе со всеми. Я удостаиваю его беседой – кавказца, да еще пленного, – а он грубо отвечает мне, хотя прекрасно знает, что от меня зависит его жизнь. Это непонятно! Призываю вам спать в одном бараке с пленными и глаз с них не спускать!

Я конечно, с радостью отправился в барак. Александр лежит, закинув руки за голову, наверное, волнуется. Ему и спать не хочется. Он все взвешивает – завтра скачки. Перед ним задача со многими неизвестными: он не знает ни местности, ни возможностей коня. Если бы ему достался тот конь, на котором он сумел прокатиться днем на ипподроме, он бы показал врагам своей Родины настоящую борьбу. Этот Гюнтер промахнулся, обольщая его и товарищей призрачной возможностью лучшей жизни за колючей проволокой.

Я, наверное, угадал его мысли. Он так обрадовался, когда я пришел в барак. Лег я на нары, молчу. А он... как он говорил о вашей земле, о ваших обычаях! Здесь в Германии некому будет положить цветы на его могилу, да и не будет могилы – сожгут в крематории. Так пусть последним боем для него станут эти пресловутые «скачки», придуманные болваном Гюнтером.

Когда кончится война, подрастет маленький Алхасик, Ханя будет ходить на работу, будет строить новую жизнь на родной земле. Она будет трудиться – его красивая, тоненькая, строгая жена. Будет расти смугленький мальчик с длинными ресницами и такими же, как у него, глазами. Будет расти без отца.

Каким ты будешь, Алхас Сангулия, когда станешь взрослым, моим ровесником? Алхас, Алхасик! Мой любимый, единственный сын! Будь, кем хочешь, только будь добрым и честным. Твой отец в последние часы жизни обращается к тебе. Помни! Правда – это самый сложный, но единственный путь к вершине жизни. Иди по этому пути.

Не надо сомнений. Ханя воспитает сына настоящим человеком. Она ведь сама правдивая, настоящая. А его мать Анна? Хлебосольная, чущая святые традиции абхазов. ... Одна воспитавшая шестерых детей... Без отца Георгия, замученного бериевцами в 1937... Но он, Сангулия, сражается не за Берию и Сталина, а за свою поруганную Родину!

...Какие муки перетерпит мать, крепясь при односельчанах! И как один на один со своим горем будет стариться

без любимого сына? А братья?... Они станут поддерживать в горе Ханю, не будут давать ей предаваться отчаянию, помогут воспитать сына.

Так он говорил мне и как – будто самому себе. Я плакал рядом с ним, поворачивался к стене, начиная по – немецки считать, только бы не слышать, как он вслух прощался со всей семьей. То он говорил по – русски, то переходил на абхазский. Я не все понимал из его речи, даже на русском. Потом он уснул. Дышал хрипло, со стонами. Во сне говорил с матерью, нежно повторяя слово «нан». Проснувшись, он рассказывает мне, что видел во сне мать, отца, жену и слышал крик сына.

Это была страшная ночь. Ни в одной фашистской тюрьме я столько не страдал, как рядом с Александром.

А потом наступил день. Взошло Солнце! Солнце последнего дня их жизни!

Начался смотр. Франц Гюнтер и Альфред Рунге прошли вдоль шеренги заключенных, одетых в советскую военную форму. Гюнтер сиял, будучи очень довольным собой. Рунге недовольно поморщился, глядя на пленных.

Их повезли к ипподрому, подвели каждому коня. Надо сказать, что Александр получил – таки коня, какого хотел: быстрого кабардинца. Это была последняя милость со стороны Франца Гюнтера.

Над ипподромом развевались флаги со свастикой. На трибунах сидело немало видных эсесовских чинов, жены их блистали туалетами, держа в руках букеты цветов, предназначенные немецким жокеям – победителям. Журналисты с фотоаппаратами сидели в первых рядах трибун. Ипподром нервно гудел, заключались пари, назывались имена немецких спортсменов; немцы – жокеи выезжали прямо к трибунам покрасоваться перед публикой.

Наконец, зазвучал фашистский гимн. Участники скачек выехали на поле ипподрома и остановились у начальной белой черты. Фашистские жокеи и худые, изможденные узни-

ки, одетые в советские гимнастерки. Публика хорошо знала своих спортсменов, и совсем ничего – про заключенных. Их рассматривали как декорацию, на фоне которой должно было проявиться превосходство немецких спортсменов. Ожидался большой азарт, потому что в скачках участвовала большая группа спортсменов.

Поставили к черте по пять всадников с каждой стороны. Всадники слегка пригнулись над лошадьми, подались туловищами вперед. Раздался выстрел спортивного пистолета и начались скачки. Первая группа прошла, не вызывая особых эмоций, лишь когда Миша Чхиквашвили вылетел из седла и упал на землю, ипподром радостно взревел.

Как и предполагал Франц Гюнтер, заключенные подыгрывали как артисты. Некоторые падали с лошадей – многие из них, хотя и были кавказского происхождения, были жители городов и понятия не имели о конном спорте.

В третью группу входили Александр Сангулия, Михаил Спринчану, Николай Донской, Заурбек Цадас, Аминсултан Алиев и Тамаша Алоев.

На старте все встали в один ряд. Публика затихла, как будто поняв, что сейчас начнется настоящая борьба.

Шестеро советских всадников как бы слились со своими конями...

Я думаю, никаких тактических расчетов у них не было, но уже с первого момента они внушили зрителям, что не собираются скакать как предыдущие группы. Первые километры Александр скакал вплотную за немецким жокеем, остальные делали то же самое. На следующем круге пленные немного опередили соперников. Темп скачек сразу стал напряженным. Зрители словно проснулись и не спускали глаз именно с Александра Сангулия. Он задавал тон всем остальным.

– У этого азиата шикарный класс, – слышалось с трибун, – смотрите, как красиво он работает. У наших нет такого красивого стиля.

Тамара Гицба

Гудж (Константин) Гицба,
старший брат Тамары,
расстрелянный в 1938 г.

Семейный снимок братьев и сестер Т. Гицба

Муж Т. Гицба
Александр Георгиевич
Сангulia

Тамара Гицба с мужем Александром

Тамара Гицба с подругами

Тамара Гицба с подругами в Ткварчели

Тамара Гицба с сыном Аликом

Любовь и Тарас Гицба, сестра и брат Тамары

Тамара Гицба

Алхас Александрович Сангулия, сын Тамары Гицба

Новочеркасский институт, где училась Тамара Гицба

Проводы Тамары Гицба на новую работу в Пицунду

Дипломный проект Тамары Гицба

Тамара Гицба

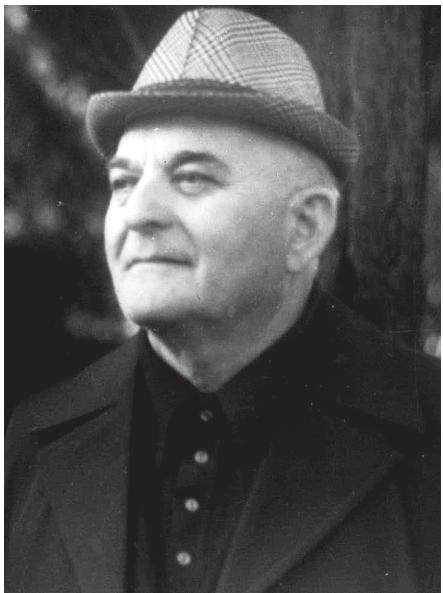
Тамара Гицба с провительственной делегацией во главе с А. Микояном

Тамара Гицба с М. В. Посохиным,
 гл. архитектором проекта Пицунда

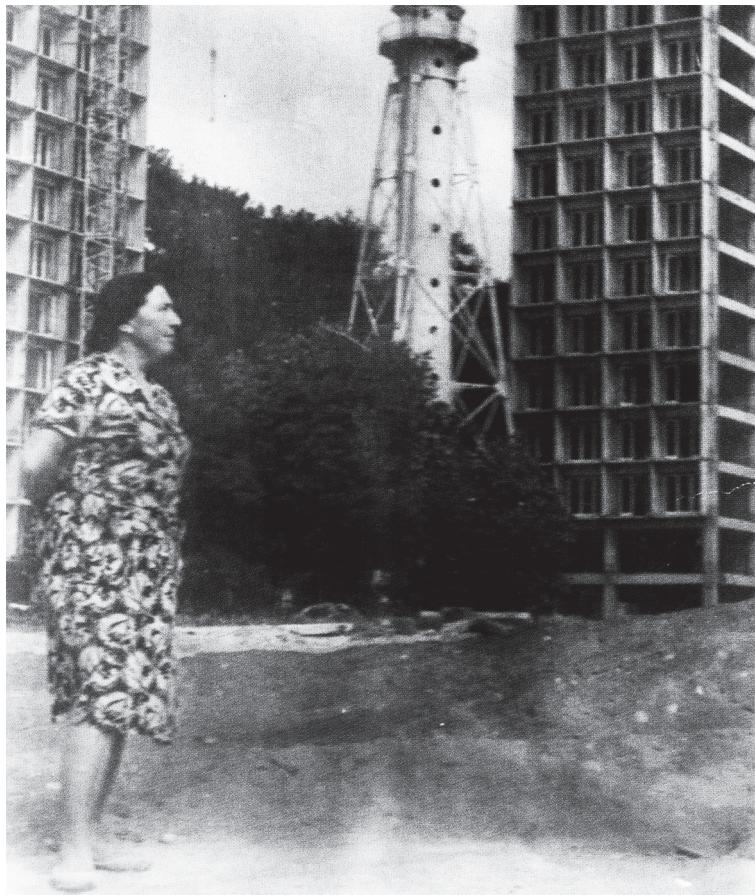
А. Микоян поздравляет Тамару Гицба с окончанием
 строительства курорта Пицунда

*Брат Александра
Сангулия Акакий
Георгиевич, более 50-ти
лет проработавший на
Сочинском винзаводе*

*Евгений Георгиевич
Сангулия, брат
Александра Сангулия*

Тамара Гицба у Маяка на Пицунде

Тамара Гицба у второго корпуса «Ансы»

Невестка Тамары Гицба Лиана Цугба с детьми Александром и Тамарой, названными в честь своих легендарных бабушки и дедушки

– У наших только процедура, а не стиль...

– Если так будет продолжаться и дальше, этот придет одним из первых... Франц, вы не боитесь своих подопечных?

Гюнтер презрительно отмахнулся, – слово «боюсь» – глупое слово. Это он делает для тактики, на последних кругах отстанет, на этого парня можно положиться...

Такое настроение продолжалось до третьего круга. Александр решил беречь энергию для финиша и замедлил ход своего коня, это же сделали и другие. Немцы обогнали их и оторвались от пленных метров на тридцать. Гюнтер довольно хохотнул:

– Он – золото! Настоящее золото! Если бы у нас было побольше таких парней! Пожалуй, Крамер, его я оставлю в живых!

На четвертом круге не было перевеса ни в чью сторону. Пятый и шестой, и даже седьмой проходили очень спокойно. Зрители принялись свистеть. На восьмом круге Александр со своей группой догнал немецких жокеев, поравнялся с ними, и полкруга, словно поддразнивая публику, следовал нога в ногу с соперниками.

Я понимал, что Александр накапливал силы для последнего рывка. И неожиданно, неодолимо рванулись ваши ребята. Когда они обходили жокеев Гюнтера, те, ошелевшие от смелости соперников, дали им прорваться вперед. О, это было зрелище! Не сбавляя скорости, ваши ребята метр за метром приближались к финишу. Публика на трибунах угрожающе заревела. Но в этой скачущей группе пленных, одетых в советскую форму, было все: красота, риск, дерзость и, конечно, Победа!

Никто из сидящих на трибунах не успел опомниться, а пленные уже развили предельную скорость и скакали теперь почти рядом друг с другом. Расстояние между ними и немецкими жокеями было явно не в пользу последних. Это был торжественный момент! Под рев толпы советские всад-

ники преодолели последние метры... Сто...пятьдесят... двадцать пять...десять...пять...Первым порвал ленточку конь Александра, а затем вся группа оказалась за финишной чертой.

Еще более дикий рев пронесся по трибунам. Повскакивали с мест чины, наиболее облаченные властью, и бросились к Францу Гюнтеру, готовые растерзать его вместе с победителями. Напрасно охрана пыталась успокоить толпу. Лавина покатилась к финишной черте, но победителей там уже не было. Их успели затолкать в машины и повезли в лагерь...

Эсесовские чины подходят к Францу Гюнтеру, второй, четвертый, десятый. И от каждого он получает грозный выговор. Его называют последним идиотом, а один эсесовец, широкой мясистой ладонью хлопнув Гюнтера по плечу, грозно сказал:

– Словом, предлагаю тебе – не позже завтрашнего дня предоставить точное описание действий, какие, по твоему мнению, дали возможность заключенным победить и кто в этом виноват!!!

– Господин министр!

Оказывается, здесь на ипподроме был даже какой – то министр, но он даже не стал слушать Гюнтера.

– Завтра в 10 утра ты предоставишь мне докладную записку обо всем этом безобразии. Потом я прикажу надеть на тебя наручники!

– Господин министр... – заикаясь пролепетал Гюнтер, но разъяренный чиновник даже не остановился, бросив на ходу:

– Умей отвечать за свои деяния! По – русски получается так: «Любишь кататься, люби и санки возить! Болван!»

Франц Гюнтер закачался, закрыл глаза и повалился на бок. Мне было отрадно, что эта подлая свинья, жаждущая крови Александра и его товарищей, была застигнута смертью на месте позора. С полчаса он корчился на траве в каком-то припадке, а потом затих. И никто не пришел ему

на помощь. Ипподром опустел. Все разъехались. Мне тоже надо было отправляться в лагерь.

Я не застал момента, когда над участниками скачек издавались. Но мне потом об этом подробно рассказали товарищи по лагерю.

Когда душегубки въехали во двор лагеря, они остановились прямо у стены крематория. Всех участников скачек выволокли из машин, били, таскали по земле, пинали ногами. Ни одного стона не вырвалось даже из груди тщедушного Миши Чхиквашвили, а он был слабее всех. Все они уже знали, что их ждет смерть. Перед стеной крематория Альфред Рунге собственноручно расстрелял их из автомата. Глубокое презрение видели палачи на лицах обреченных. И то, что никто из них не запросил пощады, взбесило Рунге окончательно. Он побежал в свой кабинет и тотчас вызвал меня. С пеной у рта он бросился ко мне и заорал:

– Ты больше всех якшался с ними! Ты знаешь этот русский треклятый язык! Я их терзал, убивал – они не вымолвили ни слова! Что это – сила воли или тупое бесчувствие? Отвечай, Крамер! Я тебя спрашиваю!

Я не успел ничего ответить, как в кабинет вошел охранник по фамилии Шланке, и дурашливо тараща глаза, заявил:

– Герр комендант, а мертвые поют!

– Поют?! Тем хуже для твоих пропитых мозгов! Иди, проспись, скотина! И это называется арийцы!

Альфред Рунге выгнал Шланке из кабинета, но незамедлительно явился еще один охранник и сухо доложил, что один из расстрелянных сидит у стены крематория и поет. Рунге посмотрел на охранника так, словно тот нанес ему личное оскорбление.

– И что же он поет?

– Этого я не знаю, герр комендант...

– Так идите и узнайте!

Рунге закричал так, что охранник невольно попятился, хотя их разделял огромный стол, и выскочил за дверь. Рунге выругался и выскочил из комнаты вслед за ним. Через несколько минут тот же Шланке просунул голову в окно и крикнул мне, пораженному таким поворотом событий:

– Иди скорей, Крамер, ты нужен там!

Я вышел из кабинета и пошел за Шланке к крематорию. Да, то, что я увидел, потрясло меня. Александр, мой дорогой Александр сидел, привалившись спиной к стене крематория, и пел! Пел свою песню, Песнь ранения! Как он говорил, у вас, абхазов, есть удивительная песня, сложенная про черный день. Этим днем, конечно, для него был сегодняшний. Несколько секунд стрельбы, и земля у стены крематория усеяна трупами! Для них, для моих верных товарищих уже никогда не будет солнца, не будет ни облака, ни дождя. А Александр, будучи раненым, не захотел поддаваться смерти. Очнувшись среди трупов, он сел и запел.

Я не зря вас обидел, говоря вам, что слышал Песнь Ранения в лучшем исполнении. Признаюсь, редко можно услышать такой голос. В нем было и неподдельное горе прощания с жизнью, глубокая страсть и сверхчеловеческая скорбь. Слова песни на вашем языке так хватали за сердце, хватали прямо за глубочайшие струны, как будто ты сам умирал рядом. Это почувствовали все, даже озверевший Рунге и его свита. Они ошеломленно застыли на месте, а Александр все пел. Какая ласка, какое обаяние чистоты и благородства шли токами от него ко мне.

Рунге опомнился и заорал:

– О, у тебя, оказывается, есть и свои зрители, – и толкнул что было сил стоящего рядом офицера. Выхватил пистолет и, целясь в Александра, крикнул:

– Страшно перейти от жизни к смерти, а?

Александр мгновение смотрел на Рунге с широко открытыми, горящими глазами и сказал: «Пожалей себя, тебе еще предстоит умереть!»

Рунге выстрелил несколько раз. Александра не стало. А его убийца стоял в оцепенении, потом засунул пистолет в кабуру и быстро понесся по лагерю в свое логово – кабинет.

Сотни заключенных, сжав кулаки, наблюдали эту жуткую расправу над своим товарищем. День гибели наших товарищих по борьбе стал днем, когда все узники лагеря стали ближе и дороже друг другу, и вместе с этим росла наша сила. Поверьте мне, я видел много ужасов в тюрьмах и лагерях гитлеровского режима, но никогда мне не забыть тот день. На моих глазах произошло совершенно-летие мужчины, на моих глазах Александр Сангулия ушел в бессмертие со своими товарищами и своей удивительной песней.

Эрих Крамер замолчал. Тото тоже молчал. Они медленно шли по Кипарисовой аллее к морю. Наконец, Тото взволнованно произнес:

– Спасибо вам, удивительный человек!

– Никакой я не удивительный, просто каждый из нас отвечает за своих друзей. Да, каждый из нас, мой новый друг. И с каждого из нас спросится за наших друзей.

Эрих Крамер дружески взял Тото под руку:

– Хорошо, что я пришел на ваш концерт, услышал еще раз песню Александра. Как будто он сам, живой, стоит рядом со мной.

Шагая по аллее твердой походкой, немец тихонько запел:

*Уаа – райда, не мужчина,
Кто не может, стиснув зубы,
Скрыть страдания свои!*

Браво! Вы очень точно передаете мотив песни! – воскликнул Тото. Крамер, будто не слыша его, напевал:

Уаа – райда не мужчина
Тот, кто может стоном выдать
Боль ранения своего...!

Вдруг он остановился посреди аллеи и, схватив Тото за плечи, с силой обнял его и сказал:

– Народ, поющий такие песни, бессмертен!

Они прошли к морю. Неумолчно шумел прибой. И певец запел еще раз песню абхазского народа – Песнь Ранения.

По освещенной аллее кипарисов, обнявшись, шли двое мужчин, старый и молодой. Потом под деревьями, крепко обнявшись, пожали друг другу руки и разошлись. Молодой провожал его глазами, пока тот, второй, не скрылся за стеклянной дверью пансионата.

Певец плохо понимал, как он вернулся в гостиницу, как строго выговаривала ему дежурная, красивая девушка с сонными глазами, как он добрался до постели и лег, по забыв раздеться и выключить электрический свет. Услышанное этой ночью взбудоражило его нервы. На минуту он задремал и, проснувшись как от толчка, увидел, как в мерцающем свете лампочки возникает молодое лицо с печальными глазами.

Уставившись на видение, Тото спросил:

– Послушай, ты кто?

– Я тот, о ком ты сегодня услышал – Александр Сангулия...

– Послушай, давай поговорим...

– Давай... Только я ничего не знаю за последние сорок лет...

– Это ничего. Но ты выглядишь так молодо.

– Перестал стареть в тот день, когда меня не стало.

– Послушай, друг, Эрих Крамер сказал, что ты лучше меня спел песню Ранения.

– Петь пришлось, а как спел, не знаю.

– Напой мне ее еще раз!

– Меня же нет, я не смогу спеть.

– Ах, прости меня, я забыл об этом...

– Знаешь, мне мать помогла в ту тяжелую минуту перед смертью...

– Я что-то не совсем тебя понял. Мать помогла? Она ведь была здесь, а ты там, в лагере.

– Да, и тем не менее, когда пули вонзились в мое тело, страшная боль обожгла меня и я, падая, заплакал, я вдруг, увидел свою мать. Она стояла неподалеку, сурово смотрела на меня и горько сказала:

– Мой сын плачет. Хорошо, я никому не скажу, – и запела Песнь Ранения.

– И тогда я вспомнил, кто я, и тоже запел... Прощай, я все сказал...

– Александр! Подожди! Подожди!

Александр исчез. Наступила тишина. И тут же, только тихо-тихо, откуда-то из груди певца родилась мелодия, нежная, как дыхание горного ветерка. Потом мелодия стала громче, торжественней и прекрасней и тут до поющего до нелись слова:

– Какая удивительная мелодия! Боже мой, какая мелодия! – У открытого окна стояла тоненькая девушка, на ресницах у нее дрожали слезинки, она протягивала певцу розу.

И тут он запел уже раскованно, свободно, легко и мужественно. Под эту мелодию можно идти в бой и на праздники, сражаться и побеждать, любить и быть любимым и чувствовать себя сильным.

И все последующие дни его жизни: и на концертах, и дома, мелодия Ранения не покидала его.

1986 – 2015

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

К 100-летию Т.И. Гицба

Над древним Лыхны всходило солнце. Просыпалось село, чтобы, отдохнув за ночь, снова погрузиться в круговерть крестьянского дня. В старом доме скрипнула дверь и на балкон вышла девушка, высокая, стройная; длинная пушистая коса, переброшенная на грудь. Ей девятнадцать, и ей нужно принять ответственное, жизненно-важное решение. Родителей Хани – так ее, Тамару, звали дома мама, папа и все остальные – уже нет в живых. Есть три сестры и два брата. Но все равно она сама должна понять и решить в чем ее предназначение. Она уже видела себя учителем ребятишек – после Лыхненской средней школы окончила в 1931 году с отличием Сухумский педагогический техникум. И вдруг такое предложение – стать инженером, инженером – строителем, строителем в Абхазии новой жизни. И стать при этом одной из первых абхазок – инженеров! Это – предложение правительства Абхазии, которая направляет на учебу в Новочеркасский политехнический институт 16 человек, среди которых две девушки, и одна из них – она. Ответственно. И очень страшно. И очень хочется.

...Девушка из гудаутского села Лыхны Тамара Ивановна Гицба блестяще окончила институт и стала инженером. Год 1957-й стал стартовым для ее профессиональной биографии.

Впервые начав работу инженером, она, на удивление себе самой, не испытала робости, неуверенности, наоборот – решительность, убежденность в правоте, смелость.

И это сразу оценили окружающие, среди которых, в основном, люди, старшие по возрасту и опыту. Так компетентностью, умением отстаивать позицию, прислушаться к мнениям, было положено начало крепкому авторитету инженера – строителя Тамары Ивановны Гицба.

Жизнь молодого специалиста складывалась для нее удачно, хотя немало горя, трудностей, боли принес 37 – й год – семья потеряла несколько очень родных и близких людей. Но... Жизнь все равно вслед за черной полосой может озарить и радостью. У Тамары получилось так. К ней пришла ее первая – большая и красивая – любовь. И самое главное – она была взаимной. Тамара Гицба и Александр Сантулия. Чистота их отношений была сутью древних и высоких абхазских традиций. 29 апреля 1939 года любовь обвенчала их. И люди вокруг радовались, видя, как светятся молодые счастьем. Работала Тамара, работал экономистом в Абсюзе Александр – институт он окончил в Москве. Новым счастьем наполнилась семья, когда мать и отец склонились над своим сыном. Алхас – назвали они его. Алик.

В июне 1941 года, как и в каждую семью огромной тогда страны, в семью Тамары и Александра вошла война. И мужчина ушел защищать свою Родину, свою семью. Тамара верила – любовь сохранит его. Ее рука почти каждый день выводила на конверте «Действующая армия 885. Почтово – полевая станция (рота связи), Александру Сантулия». И также регулярно в Сухум, на улицу Кирова, 16, шли письма с фронта. Тамара и Александр не стеснялись своих чувств. Строки писем полны любви, надежды, вопросов, подробностей о сыне, теплых воспоминаний и снова любви и ласки. Но в 1942 году письмо с фронта в ожидаемый день не пришло, не пришло оно и позже. Сердце женщины раньше пришедшего скучного сообщения: «Пропал без вести» – понялобеду. Ей пришлось изо всех сил сжать это рвущееся на части сердце – боли и горя и вокруг было много. Теперь ей

одной надо было растить сына. И работать – это было нужно ее стране и ей самой – это спасало.

Инженер – проектировщик, прораб на строительстве Дома правительства в Сухуме, Гудаутской чайфабрики, начальник строительства ряда объектов в Ткуарчале, и сегодня определяющих облик этого города, – там сразу после победного завершения Великой Отечественной войны около 5 лет работала Тамара Ивановна Гицба; снова Сухум – старший инженер Министерства коммунального хозяйства Сухумского горисполкома.

И где бы она ни работала, если говорили или писали о ней (а писали в газетах о ней не раз), то всегда следовали эмоциональные оценки: профессионал и новатор, умеет увидеть завтрашний день строителей и в строительстве, принципиальная, честная, хорошо общается с людьми и очень патриотически настроенная.

Эти качества Тамаре Ивановне Гицба особенно пригодились во время строительства курорта Пицунда – оно было грандиозным и находилось на контроле самого высокого руководства СССР, она была назначена директором строительства объекта. И это стало для Тамары Ивановны самой ответственной, яркой, сложной страницей профессиональной биографии и подтверждением ее ответственности перед родным абхазским народом, ее высокой гражданственности. Возведение курортного комплекса в Абхазии из чисто строительного процесса превратилось и в национально – политический. В коллективе среди инженерно – технического персонала, начальников разных подразделений практически не было абхазцев; более того, на разные должности туда приглашались работники из Грузии, которые, и это было ясно, возвращаться обратно не собирались. Естественно, использование строительства абхазского курорта для решения вопросов национальной политики, проводимой в Абхазии грузинскими властями, не могло не побудить Тамару

Гицба, чья смелость, принципиальность, патриотизм были хорошо известны в народе, к соответствующим действиям. Она оставила себе целью привлечь и на стройку, и на последующую работу на курорте как можно больше абхазцев. Тамара Ивановна встречалась с представителями абхазской молодежи сама, привлекая своих друзей, чтобы они приглашали на работу коренное население Абхазии. И многие рабочие стройки, а позже и обслуживающий персонал Пицундского пансионата говорили по – абхазски. И это была ее победа в период, когда указам тбилисских руководителей противостоять решались далеко не все. Мужественность и настойчивость этой женщины, предвидение ею завтрашнего дня на своей земле вызывали восхищение многих. И при этом поражали ее скромность, прихотливость, умение отвлечься от забот напряженного трудового дня и от души повеселиться. Ее квартира в старом доме на улице Кирова в Сухуме была центром притяжения. Племянники – Антица Гицба, Цицио и Ада Аргун, Аида и Фатима Ашхаруа, Эсма и Даур Сарсания, Тео и Александр Гицба и другие с огромной душевной теплотой вспоминают вечера, когда читались стихи, пелись песни. Саша играл на скрипке. Тео на фортепиано, ставились разные сценки. И заводилой была тетя Ханя – Тамара Ивановна Гицба. И еще, и это удивляет ее родных и сегодня, как в этих двух комнатах одновременно комфортно жили сразу по несколько человек – тетя Ханя постоянно опекала учившихся в Сухуме молодых родственников и односельчан. А несколько историй и тайн было доверено ей, потому что она могла выслушать, понять, посоветовать, если надо – простить. Даур Сарсания вспоминает, что когда у него в Москве в институте возникли проблемы (вплоть до исключения), он все рассказал тете Хане, а не родителям, так ему было легче. И во всем этом была она – Тамара Гицба.

Строительство курорта Пицунда, которое велось с 1960 года по ноябрь 1967 года, было ее любимым детищем: сколь-

ко труда, мыслей, души вложено сюда, сколько пережито, сколько свершений. Сколько памяти оставила она там о себе. До сих пор работают в пансионате многие из тех, кто именно стараниями Т. И. Гицба пришел туда. И имя ее они вспоминают с благоговением. Одна из улиц Пицунды носит ее имя, на здании Администрации курорта «Пицунда» – мемориальная доска в ее честь. В годы работы там Тамаре Ивановне было присвоено звание «Заслуженный инженер Абхазии».

После Пицунды много ответственности потребовала новая работа – главным инженером Сухгорисполкома. Немало сил она отдавала общественной работе – избиралась депутатом Сухумского городского Совета. А до этого была депутатом Пицундского поселкового Совета членом Сухумского, Гагрского райкомов компартии.

Немало было и семейных забот. Закончилось студенчество сына, были трудности и радости, очень хотелось, чтобы у него появилась семья. Но невестку – Лиану Цугба, внуков – Сандрика (Александр в честь деда) и Тамару (в ее честь) ей увидеть не довелось. В 1975 году Тамары Ивановны Гицба не стало. И это было огромная потеря не только для семьи, но и для ее Абхазии.

У каждого человека, наверное, есть его личная линия жизни. Его предназначение. Только кто – то следует этому, а у кого – то не получается.

У Тамары Ивановны Гицба получилось.

Лилиана Яковлева

ЖЕНЩИНА – ЛЕГЕНДА

Тамара Ивановна Гицба, столетие которой отмечалось 19 октября 2013 года, оставила неизгладимый след в истории абхазского государства. Она совершила подлинный культурно – исторический подвиг. Будучи руководителем строящегося курорта Пицунда, на протяжении семи лет (с 1960–1967 годы) выстроила великолепный комплекс зданий и смогла изменить национальный состав строителей и служащих курорта, а в целом и Пицунды. Поселок, в котором практически отсутствовало абхазское население, со временем стал оплотом абхазского национально – освободительного движения, проявившим себя во время грузино – абхазской войны...

Какими путями шла Т.И.Гицба к главному делу своей жизни? Откуда она родом? Передо мной лежит фотография 1928 года. На ней семья Гицба, расположившаяся на балконе своего родового дома в селе Лыхны во главе со старшим братом Гуджем (сидит) с его женой и двумя детьми. Справа стоит молодая девушка в нарядном платье. Это – Тамара Гицба. Ей 16 лет. Начало жизни. Ее одухотворенное молодое лицо прекрасно. Прекрасна великолепная коса на юных плечах. Она улыбается предстоящему счастью. Что знала 16 летняя девушка о своей жизни, о будущем? Как мне кажется, только одно: ее ждет счастье победителя.

С детства я знала Тамару Ивановну, так как ее младшей сестрой была моя мама. Она стоит на фотографии слева. И я могу утверждать, что Тамара Ивановна обладала сильными

чертами характера, которые позволили ей вторгнуться в зачастую беспощадный и традиционный мужской мир, став руководителем стройки века.

Да, это была сильная, благородная, глубоко человечная и целеустремленная личность. От нее никогда нельзя было услышать фраз – только реальный подход. Никогда самонадеянности – только спокойная уверенность. В ней чувствовалась постоянная готовность принять на себя все последствия своих поступков.

Ее закалили испытания жизненного пути. Она рано потеряла родителей. Сначала отца в 1923 году, а затем мать в 1925 году. Отец Хучина (Иван) Гицба был незаурядным крестьянином. Он имел торговые связи с г. Одессой, куда поставлял вина собственного производства. Активно участвовал в общественных процессах, происходивших в Абхазии. Был участником межгосударственных конференций, о чем рассказывается в учебнике «История Абхазии», стр. 290, а также в книге А.Чочуа «Избранные сочинения», стр. 69 – 72.

Тамара Гицба окончила Лыхненскую среднюю школу в 1928 году и с отличием педагогический техникум в 1931 году в г. Сухуме. В том же 1931 году правительство Абхазии по договоренности с Новочеркасским политехническим институтом посыпало туда группу учащихся из 16 человек для обучения техническим специальностям, в которых так нуждалась молодая республика. В нее вошли и две девушки, из которых одна была Тамара Гицба. Несмотря на тяжелейшие материальные условия в связи с продовольственным кризисом, охватившим Россию в начале тридцатых годов, ей удалось завершить учебу. Помогла и беспрецедентная помощь студентам Абхазии, организованная правительством республики и лично Н. Лакоба. Ее дипломный проект театра был оценен на «отлично». Она стала одной из первых абхазок, получивших инженерное образование. Однако радость, связанная с успешным окончанием вуза и первыми

годами на трудовом поприще, была омрачена страшным ударом, который получила семья Гицба в 1937 году. Арестован и расстрелян муж старшей сестры Анны Ивановны – Тышкуа (Владимир) Ампар, возглавлявший Управление НКВД ЗСФСР по Абхазии, а в августе 1938 года арестован родной брат Гудж (Константин), работавший председателем сельского совета, и через 20 дней истязаний он был зверски убит. Об этом через многие годы им сообщил свидетель Эраст Акшба, которому посчастливилось выйти на свободу. Эти события приносили много душевных страданий, создавали обстановку нетерпимости вокруг членов семьи Гицба. Но желание работать по мере сил и возможностей, внести свой вклад в развитие республики было огромным. Однако только – только налаженная жизнь и блеснувшее счастье – она встретила любимого человека Александра Сангулия и вышла за него замуж в 1939 году – было недолгим. Вновь пришла беда – Великая Отечественная война. Муж ушел добровольцем, а вскоре Тамара Ивановна получила уведомление, что он пропал без вести. Сына поднимала одна, так и не выйдя замуж. Она целиком отдала себя работе. На всех участках производственной деятельности, где приходилось ей работать, она проявляла себя талантливым специалистом.

Тамара Ивановна была инженером по строительству многих объектов республики. Ее деловая репутация, блестящие знания, честность и бескомпромиссность в отстаивании интересов дела снискали ей уважение в обществе.

Когда по решению Совета Министров СССР и Совета Министров Грузинской ССР в Пицунде, уникальном природном заповеднике Абхазии, началось строительство крупного курортного комплекса, именно Тамара Ивановна Гицба была приглашена на должность директора строительства объекта. Это было в 1960 году. В план строительства входили не только комфортабельные высотные дома, но и курзал, административный и торговый центры, летний

кинотеатр, плавательный бассейн с подогреваемой водой, кольцевая дорога, жилой комплекс и многие другие объекты. За ходом строительства наблюдали высокие комиссии во главе с первыми лицами государства. Сохранились фотографии, где Тамара Ивановна вместе с первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.Микояном осматривает строительные объекты. Ей удалось преодолеть всевозможные трудности, возникавшие по ходу грандиозного строительства. Чтобы избежать притока людей грузинской национальности, она посыпает проверенных, надежных людей на своей служебной машине в самые отдаленные уголки Абхазии, привлекая абхазскую молодежь на строительство.

Она сумела воспитать и объединить вокруг себя квалифицированные абхазские кадры; ее любили, уважали, высоко ценили за ее деловые качества. Сама она с уважением относилась к людям, не требовала к себе особого внимания, оставалась скромным человеком. Ее действия по привлечению и объединению людей абхазской национальности в то время грузинского засилья были актом мужества и дальновидности. В 1967 году Тамара Ивановна Гицба достигла поставленной цели – создала первоклассный и широко известный курорт, куда стали приезжать гости из многих стран.

Деятельность Тамары Ивановны Гицба была отмечена правительством Абхазии – в 1963 году удостоена почетного звания «Заслуженный инженер Абхазии», в 1970 году награждена медалью «За доблестный труд».

Скончалась Тамара Ивановна Гицба в 1976 году. В наши дни ее именем названа одна из центральных улиц Пицунды и установлена мемориальная доска на здании Администрации города. Знающий свою историю в свои корни народ Абхазии никогда не забудет это светлое имя – Тамара Ивановна Гицба.

Аида Ашхаруа

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ПИЦУНДЫ

Есть на свете люди, чей образ остается незабываемым, сколько бы времени ни прошло после их физической смерти.

Именно такой была коммунистка Тамара Ивановна Гицба, жизнь которой была полностью посвящена служению своему многострадальному народу. Все, что она сделала, очень значительно и памятно в народе.

Тамара Ивановна родилась в селе Лыхны Гудаутского района в простой крестьянской семье в 1912 году. После окончания Сухумского педагогического техникума она была направлена на учебу в Новочеркасский политехнический институт, который с отличием закончила в 1936 году. Она стала одной из первых абхазок, получивших инженерное образование.

Вернувшись после учебы в Абхазию, Тамара Ивановна сразу же включилась в производственную деятельность: работала прорабом в тресте «Абхазстрой», старшим инженером Наркомхоза Абхазии. С 1941 по 1946 год занимала инженерные должности в Абхазской конторе Промбанка и в системе чайного треста республики.

В 1946 году Тамара Ивановна перешла на работу в трест «Ткварчел-шахтострой», а через четыре года вновь вернулась в систему коммунального хозяйства: была старшим инженером Министерства коммунального хозяйства, а затем – главным инженером коммунального отдела исполко-

ма Сухумского городского совета народных депутатов. Но наиболее ярко ее глубокие инженерные знания и организаторские способности проявились, когда Тамара Ивановна была назначена директором строившегося курорта Пицунда. Возглавляя в течение 7 лет этот важнейший участок курортного строительства, она внесла достойный вклад в создание первоклассной здравницы на Черноморском побережье Абхазии.

В этот период я работал председателем Гагрского горисполкома народных депутатов и хорошо помню, как эта мужественная женщина стойко переносила трудности и достигла поставленной цели – создала прекрасный, широко известный курорт, который и сегодня, несмотря на блокадные условия, не потерял привлекательности, и я уверен, что наступят времена, когда люди со всех концов планеты Земля вновь беспрепятственно станут приезжать сюда на отдых, как это было раньше.

За семь лет строительства курорта Тамара Ивановна Гицба сумела подобрать немало кадров, которые, пройдя хорошую школу в процессе производства, получили необходимые навыки и большой опыт работы, помогающий им и сегодня в решении возникающих проблем. Особенностью ее работы было то, что она смогла подобрать кадры в основном из числа абхазцев, мобилизовать на эту курортную стройку абхазскую молодежь. В то трудное в межнациональном отношении время это было с ее стороны актом мужества.

В целом нелегкой была жизнь Тамары Ивановны, потерявшей в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. мужа, своего верного друга Александра Сангулия.

Несмотря на все трудности, Т.И. Гицба воспитала достойного сына Алхаса, дала ему хорошее образование, и он прекрасно справлялся со своей работой в системе Минторга Абхазии, но, к сожалению, из-за тяжелой болезни рано ушел из жизни.

Растут дети Алхаса Сангулия: сын Сандрик, которого так назвали в честь дедушки Александра, дочь Тамара, названная так в честь своей знаменитой бабушки. Воспитывает их мать Лиана Дмитриевна Цугба-Сангулия, тоже дочь не менее известных родителей. Отец Лианы – легендарный танкист Дмитрий Цугба, кавалер орденов Славы и многих других боевых наград.

Молодым в этой замечательной семье есть кем гордиться и чьи традиции достойно продолжать.

Невестка и внуки Тамары Ивановны свято хранят, как семейные реликвии, все, что связано с именем этой смелой и мудрой женщины, настоящей патриотки абхазского народа, отдавшей свою жизнь, опыт и знания общественным делам, показавшей пример самоотверженного служения Родине и Коммунистической партии, членом которой она являлась с 1955 года

Она неоднократно избиралась членом Сухумского и Гагрского районных комитетов Коммунистической партии, депутатом Сухумского городского, Пицундского поселкового Советов народных депутатов. За плодотворную деятельность Т. Гицба была удостоена почетного звания «Заслуженный инженер Абхазии» и правительственные наград.

По прошествии большого периода времени после ее смерти хотим еще раз отдать дань уважения памяти и делам, совершенным Тамарой Ивановной, ее светлому образу.

Такие люди, как Тамара Ивановна Гицба, украшают наш народ.

Мне думается, что в знак уважения особых заслуг Т. И. Гицба – и как руководителя строительства курорта Пицунда и как первого его директора – следует открыть в Пицунде в ее честь памятник.

Э. Капба

Верхний ряд слева направо: Анна (Нита) Ивановна (Хучиновна) Гицба, старшая дочь Хучины, вышедшая замуж за Владимира (Тычкуа) Амтар; Константин (Гудж) Иванович (Хучинович) Гицба. В первом ряду: Тарас Иванович (Хучинович) Гицба; Ирина (Куакуа) Гицба-Тарнава, сестра Хучины; Любовь Ивановна (Хучиновна) Гицба; Нина Дасания-Гицба, жена Хучины; Тамара (Хания) Ивановна (Хучиновна) Гицба; Низфа Дзидзария-Гицба, мать Хучины

СОЛЬ ЗЕМЛИ АБХАЗСКОЙ

Хучина (Иван) Мусович Гицба родился в 1868 году в селе Лыхны Гудаутского района. Его отец рано умер, оставил шестерых детей. Мать, по фамилии Зардания (Гуджыгиар-ипа) Низфа, взвала на себя все тяжести жизни, вырастила своих детей честными и порядочными людьми. Хучина отделился от своей семьи, когда у него самого было уже трое детей. Он и его жена Дасания Нина вырастили семерых детей. Анна – старшая, родилась в 1898 году, Гудж – в 1900 году, Любовь – в 1907 году, Тамара – в 1910 году, Елена – в 1912 году. Один из детей скончался в юности.

Хучина Мусович относился к той категории представителей нашего народа, которые составляют соль земли абхазской. Был он деятельным, инициативным, мудрым человеком, сильным и известным оратором, прекрасным садоводом – вырастил на редкость прекрасный сад, завел пасеку.

В начале 20-х годов, когда в Бзыбской Абхазии свирепствовало доходившее до беспредела скотокрадство, создал и возглавил поисковую группу (апшааюцъа), активно и эффективно боровшуюся с этим злом. Много интересного о Хучине рассказал Якуб Лакоба, знающий многие детали не только потому, что его, Якуба, прапрабабушка (жена прапрадеда Халыла Лакоба) была из рода Гицба, но и по-

тому, что занимался научными изысканиями, касающимися истории национально-освободительной борьбы абхазского народа в эпоху «Киараза», и в частности – материалов об абжуйском сопротивлении грузинскому засилью в Абхазии, а также о морских десантах абхазских махаджиров из Турции («турецких кодорских банд», как их неизменно называли меньшевистские источники), высадившихся в селе Скурча летом 1918 года. С 27 июня по 9 августа 1918 года было произведено три, а по другим данным четыре таких десанта, вступивших в контакт и связь с «Киаразом». Имя Х. Гицба фигурировало в уголовном деле «О повстанческом движении в Абхазии», которое возбудила и вела грузинская меньшевистская юстиция в связи с высадкой этих десантов.

Хучина пользовался большим авторитетом среди всех слоев общества. Потому и был он в мае 1918 года командирован Абхазским Народным советом вместе с такими известными и признанными в абхазском народе авторитетами, как Симон Басария (Апсуа Махайд), Киагуа Киут, Меджит Багапш, Хакы Авидзба, Андрей Чочуа, Антон Чукбар в качестве делегата в Батум, на проходившую там международную мирную конференцию, непосредственно предшествовавшую морским десантам. Причем Х. Гицба был среди тех (С. Басария, М. Багапш, К. Киут, Х. Авидзба), кто поддерживал позицию Александра Шервашидзе, Таташьи Маршания и группы влиятельных турецких абхазов и подтвердил, что они являются сторонниками единства с Северо-Кавказскими горцами, не одобряя линию и миссию Варлама Шервашидзе и мандат второго Абхазского Совета от 20 мая 1918 года, в соответствии с которым «Абхазия причисляет себя к группе закавказских народов». Таким образом миссия В. Шервашидзе на Батумской мирной конференции усилиями абхазских патриотов, в числе которых был Х. Гицба, провалилась.

ГУДЖ (КОНСТАНТИН) ИВАНОВИЧ (ХУЧИНОВИЧ) ГИЦБА

Константин Иванович Гицба родился в 1900 году в селе Лыхны Гудаутского района, в семье Ивана Мусовича Гицба. Учился в Гудаутской средней школе. Затем поступил в сельскохозяйственный техникум в г. Туапсе, который успешно закончил и стал работать виноделом на винном заводе г. Гудаута. В 1923 году, в связи с тяжелой болезнью отца и последовавшей затем смертью, вынужден был вернуться в село Лыхны. На его плечи легли заботы о матери и семье. Константин Иванович унаследовал замечательные качества своей семьи. Обладал деятельной натурой, был горячим патриотом своей страны. Зная безупречную честность и точность в денежных делах, односельчане привлекают его к работе в сельском совете. Став его председателем, он снискал доверие, почет и уважение, не только в селе, но и за его пределами. Его портрет, как идеал воплощения апсуара, был в начале тридцатых годов экспонирован в музее этнографии г. Тбилиси. Однако самые трагичные годы политических репрессий, начавшиеся в Абхазии с убийства руководителя республики Н.А. Лакоба, в декабре 1936 года, которые затем унесли жизни тысячи лучших представителей нации, не могли пощадить и К. Гицба. 6 августа 1938 года он был арестован. По свидетельству Эраста Акшба, также арестованному в те годы, но сумевшему выжить, К.

Гицба был подвергнут нечеловеческим пыткам и через двадцать дней после ареста убит, а тело его сожжено в известковой яме.

К.И. Гицба посмертно реабилитирован в 1955 году. К.И. Гицба имел четырех детей, которые, несмотря на все последующие жизненные трудности, стали достойными гражданами своей семьи и родины.

A. B. Гицба

ГИЦБА ХАПАШ (СЫН ГУДЖА)

В 1954 г. для абхазских девушек и юношей был открыт абхазский сектор филологического факультета (это – чрезвычайное происшествие для Абхазии того периода).

Любознательный Хапаш Гуджович Гицба часто приезжал в Сухум и часто посещал институт. Здесь были друзья и родственники, он общался с ними. Вот одна из родственниц, Анна Гицба, т.е. я, познакомила свою подругу Бабусю с Хапашем. После этого Хапаш стал еще чаще посещать Сухум. Случайное знакомство привело к семейной жизни.

Женившись на Бабусе, Хапаш создал прекрасную семью. Хапаш и Бабуся вырастили четверых детей (две девочки и два мальчика). В тяжелые для Абхазии времена, когда нужно было отстоять свободу и независимость Абхазии, оба сына приняли участие в боевых действиях. Один из сыновей (Мазлоу) погиб после Победы.

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА ГИЦБА

Любовь Ивановна Гицба родилась в 1907 г. в селе Лыхны Гудаутского района, в семье Хучины Мусовича Гицба.

Любознательна девочка, окончив школу на «хорошо», пройдя через огромные трудности с получением паспорта и прописки, а затем хлебной карточки, она, наконец, поступает в институт и получает место в общежитии 2-ого Московского Медицинского института. А с 1934 года правительство Абхазии выделяет ей стипендию, что дает возможность продолжить учебу в вузе, не думая постоянно о средствах к существованию. В 1937 году Любовь Ивановна Гицба сдала успешно госэкзамены и окончила лечебный факультет медицинского института. Однако, 37-ой год принес ей не только радость окончания института, но и очень много горя: арестован муж родной сестры Анны – Ампар Тышкуа (Владимир), который возглавлял Управление НКВД ЗСФСР по Абхазии, а 6 августа 1938 года арестовали родного брата Гуджа (Константина). Все это приносило много душевных страданий, создавало обстановку нетерпимости вокруг членов семьи Гицба. Но желание работать, приносить людям пользу и добро, были главными в ее жизни. Любовь Ивановна сначала стала работать во 2-ой городской больнице ординатором в хирургическом отделении, а затем из-за острой нехватки квалифицированных кадров врачей, по настойчивому ходатайству Гудаутского райздравотдела, была направлена в хирургическое отделение Гудаутской больницы.

Высокий профессионализм, трудолюбие и настойчивость, умение доходчиво передавать свои знания, очень скоро выделили ее в среде врачей и она была назначена директором Гудаутской школы медицинских сестер, инспектором по охране материнства и младенчества, а также заменяла по необходимости главврача роддома и вела многочисленный прием больных. В 1939 году Любовь Ивановна Гицба вышла замуж за Николая Сарсания, который работал инженером в ГРЭС г. Ткварчели. Николай Сарсания в 1931 г. поступил в Московский инженерно-экономический институт. В 1936 г. после окончания института был направлен в Абхазию в Ткварчал ГРЭС. В Ткварчал ГРЭС сначала работал инженером-экономистом при планово-производственном отделе строительства Ткварчал ГРЭС. После чего командирован в г. Донбасс на стажировку в Ворошиловоградский ТЭЦ сроком на 3 месяца, по химической очистке воды. После окончания стажировки, вернувшись в Ткварчал ГРЭС, стал работать инженером отдела подготовки эксплуатации. С этого года начинается период ее работы в г. Ткварчал. Несмотря на крайне тяжелые условия работы поликлиническое отделение было расположено в бараках, отсутствовали родильная комната и детская, не было больничного транспорта и скорой помощи, но ей удалось наладить работу не только своего профиля, но и ввиду отсутствия специалистов узкого профиля, она успешно оказывала помощь самым разным больным. В 1949 году Любовь Ивановна прошла курсы специализации по акушерству и гинекологии в Тбилисском институте усовершенствования врачей. С тех пор ее деятельность была связана с данным направлением медицины. Ее стремление просвещать людей, нести медицинские знания в народ, освещались в многочисленных выступлениях на радио и печатанием статей в местной газете. Руководимые ею женская и детская консультации считались лучшими в Абхазии по показателям. В 1953 г. Л. Гицба

переводят на работу в Сухумский родильный дом заместителем главврача по лечебной части. В обязанности ее входило также руководство патологоанатомическими конференциями врачей и акушерок со всех регионов Абхазии, так как Сухумский родильный дом являлся базой для повышения их квалификации, а также она руководила семинарскими занятиями по актуальным вопросам акушерства и гинекологии. В 1974 г. она стала работать заведующей родильным отделением роддома, самого ответственного и тяжелого участка в системе родовспоможения, а также заведующей отделением патологии беременности. С 1977 г. она начала работать в поликлинике специального лечебного сектора Минздрава Абхазии, где проработала до 1986 года. Любовь Ивановна Гицба проявила себя талантливым специалистом, глубоко любящим свою профессию, оказывающим помочь многим и многим больным, уникальным по своей трудоспособности человеком и стремлением приносить людям добро. Любовь Ивановна Гицба была удостоена звания Заслуженного врача Абхазской АССР и Грузинской ССР. Кавалер ордена «Знак почета», (1976г.). Награждена многими медалями и почетными грамотами.

Скончалась 25 октября 1989 г.

A. V. Гицба

ТАМАРА ИВАНОВНА ГИЦБА

Родилась в селе Лыхны гудаутского района в 1912 году в семье крестьянина Хучины (Ивана) Мусовича Гицба, была пятым ребенком. Училась в Лыхненской школе.

Окончила школу в 1928 году и поступила в Сухумский педагогический техникум, который с отличием закончила в 1931 году. В 1931 году ЦИК Абхазии по личной инициативе Н.А. Лакоба договорился с Новочеркасским политехническим институтом им. С. Орджоникидзе о направлении в этот вуз группы выпускников Абхазии с обеспечением их стипендии. Тамара Гицба успешно сдала вступительные экзамены и была зачислена в этот институт. Однако тяжелые условия жизни, связанные с нехваткой продовольственных товаров, возникших на Юге России к 1932 году, вынудило всю группу студентов, в том числе и Тамару Ивановну, оставить учебу. Руководство Абхазии во главе с Н.А. Лакоба организовали беспрецедентную помощь студентам, благодаря которой они смогли вновь вернуться в г. Новочеркасск и приступить к занятиям. По распоряжению Н.А. Лакоба Наркомфин увеличил в два раза размер получаемой стипендии. За счет государства была выделена единовременная помощь продуктами, а также все студенты были обеспечены необходимой одеждой. В 1936 году Гицба Тамара защитила диплом на «отлично», получила звание инженера-строителя. Из 16 студентов, входивших в группу из Абхазии, только четверо защитили дипломы на «отлич-

но», в том числе Тамара Ивановна. Ее дипломный проект театра с клубом получил одобрение директора института. Она стала одной из первых абхазок, получивших инженерное образование. В группе из Абхазии обучалось всего две девушки. Надо отметить, что первые инженерные кадры в последующие годы внесли огромный вклад в развитие экономики и культуры нашей республики. Тамара Ивановна Гицба обладала яркими организаторскими способностями. Кроме того, ее великолепная внешность и стать, ее душевные качества, доброта и отзывчивость, ее умение логично говорить и ненавязчиво убеждать людей в своих идеях, очень помогли в дальнейшей трудовой деятельности, так как ей приходилось работать в основном в мужских коллективах. Эти качества были замечены уже тогда, когда она была студенткой вуза. В 1935 году Тамара Гицба в составе делегации из Абхазии выступала на съезде женской молодежи, проходившего в Аджарии.

В 1939 году она вышла замуж за Александра Сангулия. А в 1940 году родила сына Алхаса. Однако начавшаяся Великая Отечественная война не дала осуществиться надеждам на семейное счастье. Муж ушел на фронт добровольцем и вскоре погиб. Сына поднимала самостоятельно, так и не выйдя замуж. На всех участках производственной деятельности, где приходилось ей работать, она проявляла себя талантливым специалистом. Она была инженером по строительству многих объектов республики: осуществляла технический надзор по строительству дома Абхазобкома, работала инженером-проектировщиком проектной мастерской ЦИК Абхазской АССР, старшим инженером технического отдела треста «Ткварчалшахтострой» и др. объектах. Ее деловая репутация, блестящие знания, честность и бескомпромиссность в отстаивании интересов дела снискали большое уважение общественности. Когда в 1959 году по решению Совета Министров СССР и Совета

Министров Грузинской ССР в Пицунде, уникальном природном заповеднике Абхазии, было решено начать строительство крупного курортного комплекса, именно Тамара Ивановна Гицба в 1960 году была приглашена на должность директора строящегося курорта. В строительство входило возведение не только комфортабельных высотных домов, но и курзала, административного и торгового центров, летнего кинотеатра, плавательного бассейна с подогреваемой водой, кольцевой дороги и многих других объектов. За ходом строительства наблюдали высокие комиссии во главе с первыми лицами Советского Союза. Так, например, сохранились фотографии, где Тамара Ивановна принимает Председателя Совета Министров СССР А.Микояна. Ей удалось преодолеть всевозможные трудности, возникавшие по ходу грандиозного строительства. Строительство курорта стало главным делом ее жизни. Из-за нехватки рабочих рук, чтобы избежать притока людей грузинской национальности, она посыпала проверенных надежных людей на своей служебной машине в самые отдаленные уголки Абхазии, привлекая абхазскую молодежь на строительство. Она сумела воспитать и объединить вокруг себя квалифицированные кадры. В то время, время грузинского засилья, ее поступки были актом мужества и дальновидности. Благодаря ее действиям в Пицунде изменилась демографическая ситуация. Поселок, в котором отсутствовало абхазское население, со временем стал оплотом абхазского движения. Особенно это проявилось в будущем, в 1992-93 годах, во время грузино-абхазской войны. В 1967 году Тамара Ивановна Гицба достигла поставленной цели – создала первоклассный, широко известный курорт, куда стали приезжать гости со всех стран. Она очень надеялась, что сможет руководить курортом и тогда, когда он был введен в эксплуатацию. Но грузинским руководителям, которые в то время правили балом, честные работники не были нужны. Ее обострен-

ное чувство гражданственности, ее цель служения Абхазии шли вразрез со стремлениями Грузии.

Деятельность Тамары Ивановны Гицба была отмечена правительством Абхазии. В 1963 году она была удостоена почетного звания «Заслуженный инженер Абхазии», неоднократно избиралась депутатом Сухумского городского совета, в 1970 году награждена медалью «За доблестный труд». В наши дни ее именем названа улица в городе Пицунда. Скончалась Тамара Гицба в 1976 году.

В 1957 г. возглавила строящийся курорт Пицунда и завершила его строительство в 1967 г.

Муж Сангалия Александр Георгиевич, закончил Московский промышленно-экономический институт, работал экономистом в системе Абсоюза, погиб в ВОВ.

Сын Сангалия Алхас Александрович, окончил Московский институт пищевой промышленности. Долгие годы занимал руководящие должности в системе Минторга.

Внук – Сангалия Александр Алхасович, окончил АГУ.

Внучка – Сангалия Тамара Алхасовна, закончила с отличием Обнинский университет атомной энергетики, работала инженером в СФТИ. В данный момент живет и работает в г. Обнинске начальником отдела качества лекарств в Российской фармацевтической компании.

А. В. Гицба

ИНЖЕНЕР, ПОЭТ, ВОСПИТАТЕЛЬ

Гицба Тарас Иванович (Хучинович) родился в 1908 году в с. Лыхны Гудаутского района. Родители рано умерли. Получив среднее образование, Тарас начал трудовую деятельность в 1926 году.

С 1928 года работает рабочим в г. Краснодар, одновременно учится в Краснодарском педагогическом институте на историко-экономическом отделении. Проявляет себя грамотным, энергичным, дисциплинированным, выдержаным молодым человеком с многогранными способностями как в физическом труде, так и в учебе, в гуманитарных и точных науках, да и в ораторском искусстве.

В октябре 1930 г. в порядке мобилизации ЦК ВЛКСМ направляется в Хабаровский край, работает в Оборском леспромхозе в тракторном отряде слесарем и вскоре в 1931 г. выбирается по профсоюзной линии председателем Оборского Райлесорабочкома союза лесодреврабочих. Оттуда в ноябре 1931 г. призываются в кадры РККА. Служит в армии и становится оружейным техником.

С мая 1933 года работает на Ижевском оружейном заводе производственным мастером, помощником начальника мастерской, начальником участка.

В 1935 г. выехал на учебу в Ленинградский Военно-технический институт на общетехнический факультет. Однако в сентябре 1937 года исключен с 3-го курса как близкий род-

ственник репрессированного Владимира (Тышкуа) Ампар, женатого на старшей сестре Тараса – Анне.

Чтоб переждать волну репрессий, переезжает в г. Орел. С ноября 1937 г. работает в артели «Стандарт» Орловского облпромметаллоюза сначала слесарем, затем начальником цеха (некоторые заметили, что он толковый работник, видимо, скрывается от возможных репрессий, но отнеслись к нему доброжелательно, а в это время репрессий не избежал в Абхазии старший брат Константин), затем зав. производством артели «Стандарт».

В 1938 г. перешел на педагогическую работу, работает учителем математики и физики Цветынской средней школы Орловского РОНО. В 1939 г. экстерном окончил физико-математический факультет Орловского государственного учительского института.

В августе 1939 г. возвращается в Абхазию и начинает работать учителем математики в Сухумской абхазской средней школе, где с января 1940 г. назначается завучем (кстати, в этой школе он знакомится со своей будущей женой). Имел свою методику преподавания математики. Одновременно учился в Сухумском государственном педагогическом институте.

Однако начинается война и 23 июня 1941 года Тарас Хучинович уходит в армию добровольцем.

После войны, в марте 1946 года демобилизуется из армии и возвращается в Абхазию.

В январе 1947 г. начинает работать на Сухумском заводе портового оборудования малой механизации – был старшим технологом техотдела, прорабом ПТО, начальником механического цеха, начальником ПТО.

В июне 1950 г. завод переехал на Украину, и Тарас Хучинович переходит работать в управление Сухумского порта начальником портофлота, затем начальником судоремонтных мастерских порта. В январе 1959 г. переведен на

Сухумский судоремонтный завод треста «Грузрыбопром» начальником механического цеха. А в мае 1961 г. переведен на создаваемый завод «Электроприбор» («Сухумприбор») заместителем директора, затем главным инженером. Много своей энергии и здоровья отдал Тарас Хучинович становлению этого завода, но в конце декабря 1965 г. освобожден от работы согласно поданного заявления: не сработался с директором А. Микадзе. Он два раза с завода попадал в больницу. С 1966 г. работал в Сухумском физико-техническом институте старшим мастером слесарно-сборочного участка ЭММ. Проработал в СФТИ до марта 1982 года, до ухода на заслуженный отдых, с трудовым стажем более полувека.

Работая на заводе «Сухумприбор», Тарас Хучинович очень хотел, чтобы завод был хорошим, полезным для Абхазии предприятием. Чтобы было достаточно много хороших рабочих мест для молодежи Сухума, чтобы не было проблемы занятости. Именно он пробил летом 1961 г. в Москве и Ленинграде проект современного здания завода «Сухумприбор». Он считал перспективным для завода выпускать бытовые кондиционеры, которые, кстати, затем стали выпускать в Баку.

Его отличали скромность и простота в общении. Он умел работать с людьми, постоянно заботился о кадрах специалистов и уже через много лет на юбилее 20-летия завода работники удивительно тепло его приветствовали.

Он был очень яркой личностью, имел широкий кругозор, хорошо знал по первоисточникам философию, политэкономию, мировую литературу, писал стихи и поэмы, хорошо пел, танцевал абхазские народные танцы, был хорошим оратором и образцом культуры в застольи.

Еще в юношеском возрасте Тарас заинтересовался и первым исследовал на местах события, связанные с Хаджаром Кяхба (материалы его исследований были в архиве) и

написал на основе этого материала пьесу, которую ставил самодеятельный коллектив Гудауты в двадцатых годах прошлого века.

Т. Х. Гицба известен как автор многих рационализаторских предложений, неоднократно был участником ВДНХ СССР, где в 1965 году удостоился бронзовой медали.

За заслуги перед народом и государством был награжден многочисленными наградами (медалями, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Абхазской АССР).

А. В. Гицба

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ГИЦБА

Родилась в 1917 году в семье Хучины (Иван) Мусовича Гицба в селе Лыхны Гудаутского района, была шестым ребенком. Очень рано потеряла родителей: сначала отца в 1923 году, а затем мать в 1925 году. Старший брат Гудж, на плечи которого легли заботы о братьях и сестрах, определил самую младшую сестру Елену (8 лет) на учебу и проживание в Сухумский интернат для девочек. Елена Гицба обладала великолепными музыкальными способностями и хорошим голосом. В 1930 году правительство Абхазии, вместе с другой способной девочкой Марицей Кварчия, посыпало ее на учебу в г. Ленинград, в музыкальный техникум № 1. Проучившись год с небольшим, обе девочки были вынуждены вернуться в Абхазию, так как в г. Ленинграде, также как по всей России, начался острый экономический кризис с нехваткой продовольствия. Вернувшись в Абхазию, Елена Ивановна Гицба поступает в педагогический техникум и через четыре года заканчивает его на «отлично». Сохранилась заметка в газете «Советская Абхазия», в которой рассказывает о замечательных способностях Елены Ивановны. Одновременно с учебой в педагогическом техникуме, она работала солисткой (чонгурристкой) в этнографическом ансамбле песни и пляски, организованном при музыкальном училище в 1933 году под управлением Платона Панцулая. В конце 1936 года вышла замуж за Ашхаруа Г.Ч. Вскоре вместе с мужем вынуждена была выехать из Абхазии, так как с

убийством руководителя Абхазии Нестора Лакоба начались аресты семьи Лакоба и их окружения. А муж Елены Ивановны работал у брата Нестора Лакоба, Миши. Кроме того, был арестован муж старшей сестры Елены Ивановны – Ампар Владимир, а также ее родной брат Гудж.

В замужестве Елена Ивановна родила троих детей. Через всю жизнь Елена Ивановна пронесла верность заветам Апсуара, хотя долгие годы жила вдали от родины, принимала бесчисленное количество гостей из Абхазии и многих родственников, которые работали или продолжали свою учебу, живя у нее в семье. Скончалась в 1990 году.

А. В. Гицба

ХРАНЯТ О НЕЙ ПАМЯТЬ СОСНЫ ПИЦУНДЫ

Екатерина Бебиа

Кто не слыхал о живописном курорте Кавказского Причерноморья - мысе Пицунда? Туристы со всего мира мечтают побывать здесь, полюбоваться реликтовой сосновой рощей, изумительно синим морем.

Как писал в своей книге историк Вианор Пачулиа, более тысячи лет назад на Пицундском мысу выходцы из крупного малоазиатского города Милета основали поселение, которое заняло главное место среди античных городов Восточного побережья Черного моря. Пачулиа пишет: «В конце II века до нашей эры древнегреческие историки называли его Великим Питиусом... В I веке здесь хозяйничали римляне. Они превратили Великий Питиус в военную крепость и угрожали отсюда всем кавказским племенам.

В III веке н.э. на земли Великого Питиуса нагрянули северо-причерноморские племена готов и варанов. В XIII веке на этой земле побывали генуэзцы, основавшие торговую факторию Санта София. Затем турецкие завоеватели в течение нескольких столетий грабили и разоряли богатый край...».¹

Название «Пицунда» происходит от греческого слова «питиус» - сосна. Микрорайон в Пицунде, где произрастает сосна, абхазы называют «Амзара», что означает в переводе «сосновый бор». На живописном Пицундском мысу находятся небольшие озера Инкит и Анышхцара.

¹ Пачулиа В.П. Черноморское побережье Кавказа. Москва. Профиздат. 1980 г. С. 111-112

В поселке Пицунда возвышается знаменитый храм X века, относящийся к числу лучших средневековых христианских памятников на Кавказе. Пицундский храм знаменит своими замечательными акустическими свойствами. Здесь установлен один из лучших в Европе современных органов.

Издавна иностранные путешественники интересовались Пицундой. По свидетельству разных источников, в XIX веке здесь побывал известный французский ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ, который оставил в своем дневнике восторженные отзывы о Пицунде.

Но никто из ученых, да и самих жителей Абхазии, не предвидели, какой станет Пицунда в середине 20-го столетия.

В 1960 году Советское правительство приняло решение о строительстве на мысу крупного курортного комплекса. В проект комплекса входило семь 14-этажных корпусов гостиниц, в которых были предусмотрены все условия для отдыха, летний кинотеатр на 1000 мест, курзал на 1000 мест, игровые аттракционы. Проект курорта был создан талантливым авторским коллективом во главе с известным советским зодчим, лауреатом Ленинской премии М.В. Посьхиным. Позже художественное оформление было поручено грузинским художникам под руководством лауреата Ленинской и Государственной премий Зураба Церетели.

Когда проект курорта был завершен, остро стал вопрос - кто же будет руководить строительством, осуществлять в реальности то, что было пока только на чертежах. Нужен был высокопрофессиональный инженер-строитель, который мог бы с полной точностью воплотить в жизнь прекрасный проект. Никто из местных инженеров, да и не только местных, не мог себя представить в роли руководителя этого грандиозного строительства. Все считали, что это будет специалист из крупного российского города, имеющий опыт сооружения высотных зданий. И потому

многие даже не поверили, когда услышали, что директором строительства курорта Пицунда будет местный специалист, к тому же женщина, да еще и абхазка. Ведь в те годы профессиональных инженеров среди коренного населения были единицы, да и то мужчины. Неужели женщина сможет справиться с такой сложной и ответственной работой? Но это было именно так, и эта весть молнией облетела всю Абхазию. Последние сомнения рассеялись, когда в печати и по радио Абхазии появилось официальное сообщение, что руководителем строительства курорта в Пицунде назначена Тамара Ивановна Гицба.

Кто же такая была Тамара Гицба, эта смелая, можно сказать, героическая женщина, которая на свои женские плечи взвала тяжесть, непосильную даже для многих мужчин?

Тамара Ивановна Гицба родилась в октябре 1912 года в селе Лыхны Гудаутского района в семье крестьянина.

Ее отец Иван (Хучина) Мусович Гицба был одним из наиболее авторитетных представителей крестьянства того периода. Он очень успешно вел свое хозяйство. В деревне его фруктовые сады отличались от многих. Построил для своей семьи двухэтажный дом, что в те времена было редкостью. Этот дом и сейчас неплохо смотрится. Хучина отличался мудростью, мужественностью. Был хорошим наездником. О нем писали ученые Андрей Чочуа и Георгий Дзидзария. Речь шла о том, что он был делегатом Батумской конференции в 1918 году, которая называлась «Батумская мирная конференция». Абхазия была тогда оккупирована грузинскими меньшевиками, и на Батумской конференции рассматривался вопрос статуса Абхазии. Конференция не пришла к единому решению, но в данном случае для нас важен сам факт того, что членом абхазской делегации был крестьянин из Лыхны, а это свидетельство того, что и его слово что-то значило для решения судьбы Абхазии.

У Хучины Гицба и его жены Нины Дасания было шестеро детей. Но, к сожалению, они не успели поставить их на ноги, так как рано ушли из жизни.

Старший сын Хучины Гудж (Константин) продолжил авторитет своего отца. На его плечи легла тяжесть воспитания своих четырех сестер и брата Тараса. Гудж отличался очень красивой и мужественной внешностью. Его фотография даже висела в этнографическом музее Тбилиси с подписью «Типичный абхазец».

В 1935 году Гудж Гицба был послан в качестве гостя на праздник Советской Армении. Известный писатель Константин Федин, принимавший участие в этом празднике, писал о нем: «...абхазец в лоснящейся черной бурке с плечами, как рога, поднятыми вверх, в башлыке сверкающей белизны. Бурка не шелохнулась на нем, скрывая его легкие шаги, и было похоже, что он переплывает площадь, стоя в лодке... Коричневая черкеска туго обтягивала абхазца, патронахи на груди готовы были лопнуть, он снял и подвесил к бурке кинжал в серебре и пояс... Он показался мне слепком с самого себя: ни одна морщина не шевельнулась на его лице, ни одна прядь его косматой бурки не дрогнула. Он занял место в ряду других делегатов, его сверкающий башлык, завязанный по-праздничному пышно и замысловато, был виден из всех уголков театра. Он сидел неподвижно»¹.

Крупный абхазский ученый Шалва Инал-ипа подтверждает, что речь идет о Константине Гицба. «Как говорят, фединским «красивым государственным человеком» был активист колхозного строительства в селе Лыхны Гудаутского района Константин Иванович Гицба, репрессированный в 1938 году»².

¹ Федин К. Собрание сочинений, Т.1.М, 1959 г. С. 313-314.

² Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухум, 1984 г. С.63.

Да, к сожалению, председатель Лыхненского сельского Совета Гудж Гицба был репрессирован в расцвете сил. Говорят, что его увезли после ареста его зятя (мужа старшей сестры Анны) Владимира Езуговича Ампар. Это был убежденный революционер, большевик, чекист. Его арестовали, когда он возглавлял Управление НКВД ЗСФСР по Абхазии. А потом репрессиям подвергли еще одиннадцать человек из рода Ампар, в том числе и его отца Езуга Мусовича, который был уже в преклонном возрасте¹.

Дом Владимира Ампар был конфискован. Его жена Анна с дочерью Цицей приютились в крохотной комнатушке возле сухумского кинотеатра «Апсны». В этой комнате уборщицы прятали свои веники, лопаты и ведра. «Вот это - жена и дочь врага народа», – говорили им прямо в лицо, буквально показывая пальцем.

При сборе материалов о репрессированных и их семьях мне довелось встретиться с Цицей Ампар. Вот как она описывала состояние семей репрессированных:

«Сидя в классе, я никогда не могла сосредоточиться на том, что говорили учителя, не могла думать об уроках. Меня все время преследовала мысль: «А вдруг я приду домой, а мамы там уже нет, ее арестовали? Что я буду делать без мамы в нашей крохотной комнате?». После уроков я буквально бежала домой, и когда подходила к дому, сердце начинало бешено колотиться, дыхание прерывалось. Войдя в комнату и увидев маму, я с порога бросалась ей на шею, обнимала ее, и мы обе плакали. Мама, понимая мое состояние, никогда не уходила надолго, к моему приходу всегда была дома и ждала меня. Но вот однажды я прибежала из школы, открываю дверь, вхожу, а мамы в комнате нет. Я страшно закричала и упала без сознания. Услышав мой крик, прибежали соседи и стали приводить меня в чувство. И в это вре-

¹ Об истории семьи Ампар я пишу в своей книге «Угли родного очага не гаснут», (Сухум, 2000 г.).

мя пришла мама. Оказывается, она задержалась у зубного врача. Но, увидев в комнате столько народу, решила, что со мной что-то случилось, и тоже потеряла сознание. Ее долго отпаивали водой, валерьянкой, еще чем-то. Вот в такой тревоге, в таком нервном напряжении жили мы и другие семьи репрессированных в те проклятые 30-е и 40-е годы. Я запомнила лицо человека, который постоянно наблюдал за нами, часто видела его во сне и просыпалась в ужасе. И хотя с тех пор прошло много времени, наши родственники давно реабилитированы, этот страх остался в душе на всю жизнь...»¹.

Такая же участь ждала детей и жену Гуджа Гицба - Чуку. Дети - Хапаш, Джир, Антица, Ада - в школе чувствовали себя, словно прокаженные - их чуждались, с ними старались не общаться. Несчастная Чука работала изо всех сил на колхозных полях, но даже если и перевыполняла задание, все равно получала мизерную плату и не смела протестовать, так как этим сделала бы себе еще хуже. Она не имела права голоса на колхозных собраниях, общественных сходах.

И все же, несмотря на то, что судьба членов семьи Хучины Гицба складывалась так тяжело, это не убило в детях тягу к учебе, к образованию.

Кстати, это было характерно вообще для лыхненской молодежи. В отличие от других сел Абхазии уровень образованности и культуры был там значительно выше. Может быть, это было связано с тем, что здесь находилась княжеская резиденция; возможно, оказывала влияние местная церковь; не исключено, что сказывалась близость русского поселения.

Так или иначе, но дети Хучины понимали необходимость учебы для того, чтобы выйти в большой мир. Все они получили высшее образование, у некоторых имелось даже два диплома.

¹ Бебия Е.Г. Угли родного очага не гаснут. Сухум. 2000 г. С.41.

Любовь Ивановна Гицба окончила Лыхненское начальное училище и педагогические курсы в Сухуме. Затем она поступила в Краснодарский медицинский институт, вскоре перевелась в Московский. Получив специальность врача-гинеколога, Любовь Ивановна работала в Гудауте, Сухуме, Ткуарчале. Она спасла жизни многих новорожденных и их матерей. За хорошую работу, активное участие в общественной жизни Любовь Ивановну выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Но, к сожалению, ее кандидатура не прошла из-за того, что ее брат и зять были репрессированы в 30-е годы. Но уважение и почет, которыми была окружена Любовь Ивановна за ее волю и ум, за чуткое отношение к людям, за высокий профессионализм в работе, от этого не стали меньше. Она была долгие годы заместителем главного врача и заведующей отделением в Сухумском родильном доме, удостоилась звания заслуженного врача Абхазской АССР и Грузинской ССР.

Тарас (Тач) Иванович - младший брат - сперва окончил педагогический техникум в Сухуме, затем учился в военно-механическом училище в Ленинграде. Однако после репрессий брата и зятя ему пришлось оставить учебу и уехать на Дальний Восток, чтобы сохранить свою жизнь. Потом он окончил в Орле физико-математический факультет пединститута, а после реабилитации репрессированных вернулся домой и работал завучем в Сухумской 10-й средней школе, на судоремонтном заводе, в мастерских морпорта. Он является одним из организаторов завода «Сухумприбор» и был его первым главным инженером. Тарас - участник Великой Отечественной войны.

Младшая сестра Елена одно время училась в Ленинградском 1-м музыкальном техникуме. Затем окончила на «отлично» педагогический техникум в Сухуме. Была прекрасной солисткой-чонгурристкой в этнографическом ансамбле, руководимом Платоном Панцулая. Елена растила двух до-

черей - Аиду и Фатиму и сына Аслана. Все трое стали впоследствии кандидатами наук. Особенно хорошо известно имя Аиды Ашхаруа.

Вот из такой семьи вышла Тамара Гицба.

После окончания семилетней Лыхненской школы Тамара поступила в педагогический техникум в Сухуме. После его окончания, она, как одна из лучших и наиболее способных выпускников, в числе шестнадцати, отобранных Нестором Лакоба, была послана учиться в Новочеркасский индустриальный институт.

На одном курсе с Тамарой учился ныне заслуженный инженер Абхазии Заканбей Михайлович Мканба. Он вспоминал: «...Нас на учебу послал Нестор Лакоба. За весь период учебы он лично уделял нам большое внимание. Он очень заботился о кадрах строителей, и поэтому для студентов из Абхазии была установлена повышенная стипендия. Два раза в год личный представитель Нестора Аполлоновича приезжал в Новочеркаск и проверял, как мы учимся и живем. Мы, посланцы Абхазии, чувствовали большую ответственность и занимались очень серьезно. Однако особо среди нас своей учебой и примерным поведением выделялась Тамара Гицба. Она была среди пятерых отличников, которые окончили институт с дипломом на «отлично»...¹

Темой дипломного проекта Тамары Гицба был «Кинотеатр в городе Гудаута». Дипломную работу она защитила блестяще.

Трудовая деятельность молодой, интересной, энергичной Тамары Ивановны Гицба началась в 1936 году.

Ее сразу же пригласили инженером-проектировщиком в проектную мастерскую при ЦИК Абхазской АССР, а в 1937 году перевели проработом в трест «Абхазстрой».

Она была проработом строящегося Дома правительства.

¹ Личный архив Бебиа Е.Г. Видеокассета №212. Воспоминания Заслуженного инженера Абхазии Мканба З. М.

С 1938 года Тамара Ивановна работала старшим инженером Наркомхоза, Наркомздрава, Абхазской конторы Промбанка. В 1943 году - инженером на строительстве Гудаутской чайной фабрики, а с 1946-го по 1950 год - в «Ткварчелшахтострое».

Об этом периоде ее деятельности пишет в своей книге «Ткварчельский клад» Архип Миронович Лабахуа. Считаю уместным привести отрывок из его книги с подзаголовком «Записки горного инженера»: «В строительство города Ткварчели свою лепту внесла Тамара Ивановна Гицба... Это та Тамара, которая училась с нами в Сухумском педтехникуме, занималась хорошо, среди подруг выделялась внешне как типичная абхазка, была красива, одевалась всегда со вкусом, носила длинные-предлинные косы... В Ткварчели Тамара Ивановна прибывает уже с опытом инженерной работы. С первых дней показывает себя инициативным командиром производства. Много работает над тем, чтобы лучше организовать труд на своем участке. Она проявляет изобретательность в любом деле. Вот как о ней писала наша газета «Ткварчельский горняк»: «Обычно на кладке стен многоэтажных зданий применялись наружные леса. Когда же мы пришли на строительство трехэтажного дома, в котором должно было разместиться общежитие учащихся школы ФЗО, лесов не было заметно, хотя шла уже кладка второго этажа. Начальник строительства Гицба отказалась от применения на строительстве тяжелых наружных лесов и перешла на производство каменной кладки с помощью внутренних лесов («конвертов»). Применение «конвертов» дает большую экономию в лесоматериалах и представляет большие удобства для каменщиков...»

- Способ настилки внутренних лесов не столь нов, но он почему-то не практикуется на наших стройках, - говорит Гицба. - Сами видите, он очень удобен и безусловно выгоден. Мы немного уклоняемся от старого правила - делать

карниз непосредственно на стене. Пока идет кладка стен здания, мы полностью подготавливаем блоки венчающего карниза на земле. Когда стены будут возведены - поднимем блоки, закрепим их железными анкерами и зальем бетоном пустые гнезда в балках. Этим мы сокращаем время заготовки блоков и экономим лесоматериалы, идущие на опалубку и вспомогательные крепления».

Из этого отрывка видно, какими новаторскими качествами обладала одна из первых инженеров-строителей из числа абхазов.

Тамара Ивановна являлась застрельщиком внедрения ряда других новшеств на строительстве административного центра Ткварчели. Она предложила, например, соединить узкоколейной дорогой деловой центр, где изготавливались железобетонные и деревянные изделия, со всеми близлежащими строительными участками. Этим сокращались транспортные расходы...».¹

В 1950 году Тамару Гицба опять перевели в Сухум. Работала она в Министерстве коммунального хозяйства Абхазской АССР на должности старшего инженера и ученого секретаря научно-технического совета. Потом была главным инженером Сухгорисполкома.

На самую ответственную работу - директором строящегося курорта Пицунда - Тамара Гицба была переведена решением Абхазского обкома партии. Это был самый яркий период ее жизни.

С Тамарой Ивановной продолжительное время работал Энвер Эрастович Капба. Его рассказ о ней более глубоко раскрывает образ этой незаурядной женщины.

«...Строительство курорта Пицунды было грандиозно по своим масштабам. Оно постоянно было на контроле самого высокого руководства СССР. Тамара была очень принципиальная, честная, чрезвычайно патриотичная. Она скрупу-

¹ Лабахуа А.М. Ткварчельский клад. Сухум. 1982 г. С. 213-214.

лезно подбирала кадры, имея в виду не только строительство, но и последующую эксплуатацию...

Часто приезжали десятки разных ревизоров, которые пытались привести сюда более удобного человека. В основном это были попытки из Тбилиси. Но все ревизоры убеждались в высочайшей честности и профессионализме Тамары Ивановны. Она хорошо разбиралась не только в инженерном искусстве, но и в финансовых делах, умела общаться с людьми. Если человек не знает, но пытается знать, такого она брала под свое крыло. А такой, кто думал где-то что-то себе урвать и быстрее разбогатеть, у нее был враг номер один... Если я достиг каких-то профессиональных высот, то благодаря тому, что Тамара Ивановна меня научила... А если вспомнить крупных строителей-абхазов того периода, да и сейчас, то можно назвать профессионалами лишь несколько человек. Это Заканбей Михайлович Миканба, Евгений Шаибович Амичба... Из нового поколения я считаю наравне с ними Эрика Тотовича Аршба. Среди всех этих мужчин была единственная женщина - это Тамара Гицба, которую можно назвать мужчиной в женском одеянии. Мужественная, смелая, отлично знающая свое дело и большая патриотка - такой была Тамара Ивановна...».¹

Тамара Гицба мужественно преодолевала все препятствия, чинимые ей в работе недоброжелателями. Об этом свидетельствует рассказ ее племянницы Аиды Григорьевны Ашхаруа, кандидата философских наук:

«Я была свидетелем обстоятельств, при которых она была вынуждена отстаивать свою честность. Это было в самом начале 60-х годов. Я училась в Московском музыкально-педагогическом институте. Не было случая, чтобы тетя Ханя - так звали ее дома - приехав, не навестила бы меня в общежитии. Однажды она приехала и сообщила,

¹ Личный архив Бебиа Е.Г. Видеокассета №212. Воспоминания Капба Э. Э.

что должна представить макет курорта, созданный главным архитектором Москвы Порохиним, для показа Анастасу Ивановичу Микояну, который был тогда зам. председателя Совмина СССР. В назначенный час я была в постпредстве и застала там тетю Ханю, старательно расставляющую огромные щиты. Я принялась помогать ей. Поодаль стояла группа молодых людей, говорящих по-грузински. Я спросила тетю, кто они такие и почему не помогают ей. Она сказала, что это художники во главе с Зурабом Церетели, который является руководителем художественного оформления курорта Пицунда. Видимо, в этой группе заметили, как я стараюсь помочь, а также наши теплые отношения, потому что через некоторое время Зураб Церетели подошел к нам и попросил меня отойти с ним для разговора. После того, как он удостоверился, что это моя тетя, он обратился ко мне с просьбой повлиять на нее, чтобы она подписала бумаги, которые отказывается подписывать.

Первой моей реакцией было - я и говорить не буду, я знаю свою тетю, она не пойдет на это, как я могу повлиять, если она отказывается? Когда же я рассказала это Тамаре Ивановне, она помрачнела лицом и сказала, что «они этого не дождутся».¹

Ныне ученый-историк, автор многих трудов Игорь Марыхуба был после окончания Сухумского индустриального техникума направлен на строительство курортного комплекса на Пицунде. Позже он писал: «...Абхазов там было совсем мало: ни одного из инженерно-технического персонала и руководителей стройучастков. Под различными предлогами их не прописывали вовсе, не брали на работу, особенно выходцев из Гудаутского района. В Гагрском районе Абхазии, тем более на курорте Пицунда, постоянная прописка абхазов запрещалась: было даже вынесено спе-

¹ Личный архив Бебия Е. Г. Видеокассета №212. Воспоминания кандидата философских наук Аиды Ашхаруа.

циальное постановление Гагрского горкома КП Грузии по этому вопросу... Единственная абхазка - Тамара Ивановна (Хучиновна) Гицба - директриса «строящегося курорта Пицунда» работала без реальной помощи и поддержки от властей Абхазии, зато по отношению к ней были постоянно всякие капризы и прихоти высокопоставленных чинов Тбилиси и Москвы. На собраниях и совещаниях, посвященных кардинальным вопросам хода и качества строительно-монтажных и отделочных работ мингрело-грузинские строители и их руководители во главе с управляющим трестом «Пицундстрой» Андро Отаровичем Булия и вкупе с московскими архитекторами-проектировщиками протаскивали и утверждали завышенные объемы «выполненных» работ, липовые «форсированные» темпы строительства...».¹

В личном архиве Т.И. Гицба находится письмо, подтверждающее факт, как ей приходилось бороться с грузинской национальной политикой.

Невестка Тамары Лиана Дмитриевна Цугба-Сангалия, бережно хранящая личный архив свекрови, любезно согласилась дать мне материал для использования в моем очерке. И я привожу это письмо полностью без комментариев, оно само за себя говорит.

«Секретарю Абхазкома КП Грузии тов. Бондареву

Считаю необходимым Вам доложить о нижеследующем: неделю назад приехавшие из Клухоры гр-ка Лобжанидзе с мужем обратились ко мне насчет их трудоустройства и квартиры. Я объяснила, что вакантного места домауправляющего и жилплощади не имеется в системе Сухгорисполкома. Они потребовали в путевке написать об этом. Я написала: «Обеспечить работой и жилплощадью не представляется возможным».

¹ Марыхуба И.Р. Очерки политической жизни Абхазии. Сухум, 2000 г. С. 65-66.

8 мая с.г. ко мне зашел представитель ЦК КП Грузии - так он себя называл - и набросился на меня, говоря, что этим ответом я иду против решения ЦК, что в обязательном порядке я должна была их устроить. Спросил меня, умею ли я читать и говорить по-грузински. Когда я ответила - нет, он был очень удивлен и сказал: «Как это вы живете в Грузинской республике и грузинского языка не знаете?». Все время со мной разговаривал угрожающим тоном.

Будет ли положен конец всем безобразиям, творящимся в Абхазии? Знают ли все граждане-грузины русский язык, ведь они находятся в СССР?

От имени Центрального Комитета Компартии Грузии абхазцы и другие национальности населения Абхазии лишились работы и крова, сажались и расстреливались.

Судьба честных граждан решалась бандой во главе с махровым врагом Берия, и теперь ЦК еще не очистился от охвостья бериевского.

Не сомневаюсь, что данный представитель есть бериец, махровый националист. Он не коммунист, партийный билет носит в кармане формально, для карьеры.

Вместо того, чтобы приблизить граждан к труду, отправлять их в колхозы и совхозы в Грузии, возвратить их в свои родные места, насильственно заселяют ими Абхазию. Продолжается старая гнилая меньшевистская политика - полное закабаление, порабощение одной нации другой. Игра людьми продолжается. Направленные в Сухуми и другие переселенцы сами не скрывают - у нас дома и родные в районах Грузии, мы хотели вернуться в родные места, но нас непускают, направляют сюда.

ЦК КП Грузии не очистился от националистов старых меньшевиков, подобное руководство в течение многих лет породило национальную рознь, ненависть. Политика партии в национальном вопросе искажена, как нигде и никогда.

Не случайно появление таких инцидентов, как уничтожение лозунгов на абхазском языке в индустримальном техникуме в дни 1-го мая, демонстративный уход с концерта Ансамбля песни и пляски в Гагре, выкрики и шум при выступлениях абхазских артистов: «Абхазская коза» - об артистке Аншба.

Инициаторы всего этого остаются безнаказанными. Капля переполняет чашу. Конец может быть весьма плачевный.

Член КПСС Гицба Т. Х.».¹

В таких трудных, порой невыносимых условиях строила Тамара Гицба Пицунду.

Несмотря на то, что в те годы никак нельзя было противоречить правительству Грузии, она смело боролась за то, чтобы привлечь в строительство и абхазские кадры. Она уже видела, что приглашенные из Грузии для строительства после его завершения не собираются обратно.

Тот факт, что Тамара Гицба сама ездила по всей Абхазии и подбирала абхазские кадры в Пицунду, подтверждают многие, в том числе Заслуженный врач Абхазии Галина Кирилловна Черкезия:

«В тот период я работала в Гагре врачом. Тамара приехала к нам из Пицунды и собрала абхазскую молодежь в одной квартире. Она рассказала о будущем курорте Пицунда и попросила, чтобы мы ей помогли привлечь туда абхазские кадры. Она тогда поручила молодым людям, чтобы они объездили деревни Абхазии и пригласили абхазов на постоянную работу и местожительство на курорт Пицунда...».²

Этот же факт подтверждает ученый Игорь Марыхуба:

«Чтобы своевременно укомплектовать местными кадрами обслуживающий персонал курорта Пицунда, по поручению той же Т.И. Гицба на ее служебном «Москвиче», управ-

¹ Личный архив Гицба Т. И.

² Личный архив Бебиа Е.Г. Видеокассета №212. Воспоминания заслуженного врача Абхазии Черкезия Г.К.

ляемом Анатолием Гицба, я инкогнито объездил почти все абхазские села Бзыпской и Абжуйской Абхазии, города Очамчира и Ткуарчал... В результате, опередив директивные органы Грузии по данному вопросу, поток абхазских трудовых ресурсов - будущих официантов, поваров, горничных, швейцаров, инженерно-технических работников, руководителей пансионатов, пищеблоков, бытового обслуживания - хлынул в Пицунду...».¹

Итак, благодаря усилиям Тамары Гицба и в Пицунде стала слышна абхазская речь. Она не хотела, чтобы коренное население было обделено прелестями этого курорта.

Когда все трудности, связанные со строительством курорта, были позади, когда уже можно было работать с более спокойной душой, Тамару Ивановну вполне «культурно» попросили уйти с работы. Нашли повод, что руководителем курорта должен быть врач. Хотя такой курорт - это не санаторий, и вовсе необязательно было сюда назначать врача.

5 ноября 1967 года в честь 50-летия Октябрьской революции курорт Пицунда ввели в эксплуатацию, хотя все объекты еще были далеки от окончательного завершения. Первыми «отдыхающими» были сами грузинские строители. Им же удалось запланированный 8-й четырнадцатиэтажный корпус-пансионат построить не на Пицунде, а в Тбилиси, превратив его в гостиницу-красавицу «Иверия» в столице Грузии...».²

Без Тамары грандиозно отмечали торжество - ввод курорта Пицунда в эксплуатацию. Конечно, женщине, которая вложила в это строительство столько труда, было больно - в столь долгожданный день ее отстранили от работы и праздновали без нее. Но говорят, что каждый выступа-

¹ Марыхуба И.Р. Очерки политической истории Абхазии Сухум. 2000 г. С. 67.

² Там же.

ющий (особенно из рабочих) вспоминал Тамару Ивановну с большой любовью и теплотой.

Из воспоминания Галины Кирилловны Черкезия:

«Нам всем было очень неприятно, что торжество отмечали без основного виновника. Мы все понимали, что Тамару Ивановну отстранили от работы за ее принципиальность, за то, что она была большой патриоткой своего народа...».¹

Более десяти месяцев Тамара Ивановна нигде не работала. Видимо, так сильно ее потрясло, что с ней несправедливо обошлись. Но сильная духом женщина сумела взять себя в руки и приняла приглашение в Сухгорисполком, где стала работать начальником отдела капитального строительства.

В течение многих лет она избиралась депутатом Сухумского горсовета, Пицундского поселкового совета, членом пленума Сухумского горкома КП Грузии и Гагрского райкома.

Она награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Абхазии. Ей присвоено звание Заслуженного инженера Абхазской АССР. Была членом КПСС с 1955 года.

Но личная жизнь Тамары Ивановны сложилась нелегко. В свое время она вышла замуж за прекрасного человека Александра Георгиевича Сангулия. Он был по профессии экономист, закончил Московский планово-экономический институт. Работал в Абсоюзе экономистом. У них родился сын Алхас (Алик). Сыну был год, когда Александр ушел на фронт защищать нашу тогдашнюю общую Родину от гитлеровских фашистов. Переписка между Александром и Тамарой свидетельствует об их большой любви. Невестка Тамары, Лиана Цугба-Сангулия долго не решалась дать мне прочитать эти письма. Но после долгих раздумий все же выписала мне отрывки из них, которые я включаю в

¹ Личный архив Бебиа Е.Г. Видеокассета №212 Воспоминания заслуженного врача-Абхазии Черкезия Г.К.

свой очерк. Пусть эти письма расскажут, как искренне любили они друг друга, хотя у этой любви не было счастливого конца.

«Моя любовь - милая Ханя - Тамашка. Сегодня 29 апреля, день нашей совместной жизни, день знаменательный, день радостной совместной жизни.

Жаль и очень жаль, что сегодня мы не вместе, а находимся в разлуке, далеко друг от друга. Я мысленно с тобой, моя родная и единственный друг по жизни. По моим подсчетам, я должен получить сегодня от тебя письмо. О! Как хорошо было бы получить сегодня. Я бы с большим удовольствием читал бы и перечитывал бы, глотая каждое твое слово, каждую строку и букву, написанную любимой моей Тамарочкой. Прошу только не терять надежды, что мы рано или поздно будем вместе, тогда мы отметим наш славный, радостный день с активным участием нашего Алика. Наш родной, милый мальчик уже, наверное, совсем большой, вовсю болтает, я представляю, как он шагает и бежит за тобой, прося что-либо: мама, где папа? Болтай, мой мальчик Алик, говори побольше, развивайся, будь послушным, расти на славу папе и маме.

Сейчас прервали - нужно уходить, привет и лучшие пожелания всем нашим.

Пиши, милая моя, почаще о всех наших, жду твоего письма с большой радостью, целую, крепко и крепко обнимаю.

Твой Алеша. 29 апреля 1942 г.».

«Родной мой Алешенька!

С болью в душе смотрю на Абсоуз. Когда встретимся с тобой? Совсем теряюсь, терпение лопается. Где ты бываешь и как себя чувствуешь? Каждый военный кажется тобою. Вчера после работы отправилась домой, все время оглядываюсь, и около бывшего НККХ, послышалось, что меня зовут. Остановилась, около сберкассы шел человек в военной

форме, я решила, что это ты, стояла, пока близко не подошел, когда убедилась, что это галлюцинация, пошла дальше с досадой. У Аниты наш сынок, изменился, вырос, в хорошие дни он только в трусах, как хочу, чтобы ты его видел».

«Родной мой Алешенька!

Откровенно говоря, живу твоими письмами, получаю их аккуратно. Все мы здоровы. Алик молодцом - бегает. Когда я загрущу, успокаивает меня: целует, говорит - наш папа приедет.

Ты о нас не беспокойся, мой единственный милый мальчик, все меры примем, чтобы жить хорошо.

Целую крепко. 3 октября 1941 г.».

«Алешенька!

Воплощена твоим незримым присутствием. Мне кажется, близок час свидания. Я уже начала подготавливать тебе вещи. Письма жду с нетерпением. Не могу успокоиться. Куда вы едете? Штабацау! Ухи хга сукухшоуп.

Пиии, родной мой.

Целую крепко, твоя Ханя».

«Мой родной Алешенька! Уже больше 5 дней, как я нахожусь в командировке в Гудаутах, вечером бываю дома со всеми нашими. Находясь со всеми, при отсутствии твоем, меня с ума сводит. Скучу и тревожно беспокоюсь, после 20.6. не имею от тебя писем. Жду с нетерпением приезда в Сухуми, надеюсь, там будут письма от тебя. Роясь в шкафу, среди всяких записок нашла твой пропуск в Дом Советов с твоей фотокарточкой. Я его взяла с собой, буду хранить до гроба...2 мая 1942 г.».

Александр Сангулия не вернулся с фронта. Но Тамара через всю свою жизнь пронесла свою единственную лю-

бовь. Хотя она осталась вдовой в самом расцвете жизни, у нее даже мысли не было о создании другой семьи.

Спустя много лет в газете «Правда» появился большой очерк под рубрикой «Мужество» с заголовком «Победителей ожидала смерть». Автор очерка Валентин Дольников писал об истории гибели Александра Сангулия, ссылаясь на рассказ узника концлагеря Зонненбурга. Перед смертью Александр Сангулия спел песню с такими словами:

«Если жив в тебе мужчина,
Ты не должен стоном выдать
Боль раненья своего...».¹

Это были последние слова Александра Сангулия, расстрелянного в концлагере.

Несмотря на то, что Тамара Ивановна была очень занята своей работой, она ни на минуту не оставляла без внимания своего единственного сына Алхаса. Он окончил Московский технологический институт пищевой промышленности по специальности инженера-механика. Тамара воспитывала не только своего сына, она опекала многих парней и девушек, которые нуждались в ее помощи. В их числе была и Людмила Тыркба, женщина с очень интересной судьбой. Впоследствии она написала документальную повесть «И павшие поют», где рассказывала о судьбе Александра Сангулия. Даже снимался документальный фильм по ее сценарию.

Многие воспитанники Тамары Ивановны вспоминают ее с большой любовью и теплотой.

Вообще, при всей занятости Тамары Ивановны, она всегда находила время для своих близких. Если с кем-то из родных случалась беда, она первая бросалась на помощь. Для нее племянники и племянницы были родными детьми. За ее тепло и отзывчивость все ее очень любили.

¹ Газ. «Правда» 9 мая 1988г. №130 (25482)

Один из ее племянников, долгие годы работавший начальником жилищного управления Сухгорисполкома, Даур Сарсания вспоминает:

«Еще с детства, со школьных времен, я приходил к тёте Хане, как к себе домой. Но дом тёти Хани был родным не только для меня. Он был как бы семейным штабом. Здесь собирались сёстры, братья, племянники, племянницы, другие родственники, друзья. А в дни семейных праздников именно тётя Хания была заводилой. Когда я стал работать в Сухуме, у меня вошло в привычку – до того, как вернуться домой, заходить к ней. Рядом с ней было удивительно легко и просто, притом, что жизнь у ней была совсем не простой, тяжелой.

Уже после её смерти, когда я начал работать в Сухгорисполкоме, где она оставила о себе добрую память, мне постоянно напоминали о том, что я должен быть достоин её авторитета».¹

Мысли Даура Сарсания дополняет другая племянница Тамары, кандидат философских наук Аида Ашхаруа: «Иногда бывает, что человек отдает людям много, и при этом зачастую не успевает заботиться о своих близких и кровных. Я не встречала в жизни людей, как тетя Хания, с такой способностью любить близких. Её влияние на нас было огромным, ее взгляды помогали лучше понимать жизнь... Ее сердце пылало любовью к людям...».²

Пришло время, и Тамара Ивановна ушла на заслуженный отдых. Но ее и тогда не оставляли в покое. Она уже была серьезно больна, когда к ней приходили посоветоваться на счет постройки центрального колхозного рынка в Сухуме.

Тамара Ивановна тяжело заболела в 1976 году. И все время около нее были люди. Приходили все, с кем ей доводи-

¹ Из личного архива Бебиа Е.Г. Аудиокассета №316. Воспоминания Сарсания Д.Н.

² Там же. Видеокассета №212. Воспоминания Ашхаруа А.Г.

лось иметь дело, кому она отдавала частицу своей душевной теплоты. Старались морально поддерживать ее, облегчать страдания.

А когда она умерла, к ее гробу шел нескончаемый поток желающих попрощаться с нею. И многие удивлялись, что не увидели в ее доме в Сухуме такого богатства, которое они себе представляли. Тамара Ивановна, известный специалист, знаменитый инженер, жила очень скромно.

К сожалению, рано ушел из жизни и ее сын Алхас (Алик) Сангулия. Но у него растут дети, так что есть продолжатели очага Александра Сангулия и Тамары Гицба.

Изучая жизнь и деятельность этой прекрасной женщины, я в полной мере поняла, что она была гражданином в самом высоком смысле этого слова, жила постоянно высокими помыслами о благе своей Родины, каждая ее мысль, каждый поступок были продиктованы любовью к Абхазии. О ней следует судить, говоря словами Аиды Ашхаруа, «по самой высокой шкале нравственных критериев: исключительная доброжелательность, обостренное чувство справедливости, удивительная тактичность в общении с людьми».

Все периоды жизни Тамары Гицба были насыщенными, интересными, но самым большим делом ее жизни, навеки связанным с ее именем, остается курорт Пицунда. Было бы справедливо назвать этот прекрасный уголок Абхазии ее именем. А я свое повествование хочу закончить замечательными стихами Дениса Чачхалия, посвященными пицундским соснам.

*Сосны,
пицундские сосны
На полукруглом мысу
Словно забыли, что осень
Красит деревья в лесу.*

*Вечнозеленая хвоя,
Вечнозеленая вьюсь,
Как далека от покоя
Ваша бессмертная жизнь!*

*Роици,
Сосновые роици,
Вы перед нами правы:
Вам умереть было проще,
Только не вымерли вы.
С ветром и бурями споря,
Вам не давало упасть
В землю влюбленного корня
Вечнозеленая страсть.*

Когда я читаю это стихотворение, перед моими глазами, как видеокадры, проходит нелегкая, но очень полная, интересная, насыщенная жизнь Тамары Гицба, сполна выполнившей свой долг перед Родиной и своим народом. И воспоминания о ней ассоциируются с великолепной реликторовой сосной, - она, как и эти могучие деревья, выдержала все испытания и осталась жить навечно своими делами в памяти народной.

СИЛЬНЕЕ СУДЬБЫ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

Когда я познакомилась с Тамарой Ивановной Гицба, мне было 19 лет, а ей 49. Разница в 30 лет. Она была вдовой, у нее был взрослый сын Алхас - студент. И еще она была директором огромного строящегося курорта Пицунда. Ее специальность была инженер-строитель. К тому времени она была не просто инженер, а Заслуженный инженер Абхазии. После окончания Новочеркасского политехнического института, который она окончила с отличием, вернулась на родину, в Апсны. Строила Ткварчел, Сухуми, и ей доверили огромную стройку – возвести семь 14-этажных пансионатов на берегу Пицундской бухты, с чистейшей морской водой. И, конечно, все прилагающиеся коммуникации: здания двух больших столовых, курзал на 800 мест, жилой поселок и многое другое.

Привезли меня в Пицунду по просьбе моей тети Софьи Васильевны Гицба-Тыркба, она была женой погибшего во время Великой Отечественной войны дядя Ахмета. У нее было (и есть сейчас) четыре сына: Алеша, Платон, Мирон, Зурик и дочь Раиса. Но тети Сони уже нет на этом свете, она мне так же дорога, как и Тамара Ивановна Гицба, они были двоюродными сестрами.

Первым абхазом, встреченным мною в Адлере в аэропорту, был Миктат Миктатович Цукба, начальник статус-правления г. Гудауты. Он и привез меня из Адлера в Абхазию, в дом дяди Ходжарата, родного брата моего отца, Виамина Тыркба, которого я приехала искать в Абхазию. Миша, так ласково называли его друзья и близкие люди, был очень скромным, сдержаным человеком, но в моей судьбе он сыграл очень важную роль, он познакомил меня с моими родственниками – дядей Ходжаратом и его семьей: женой Верой, сыновьями – Резиком и Русланом, дочерьми – Людой и Аллой. И также Миша привез меня к Соне Гицба, моим двоюродным братьям Алеше, Мирону, Платону и Зауру, и их сестре Рае. Позже Ходжарат привел меня к вдове моего отца Шурет Мархолия-Тыркба и моим сестрам, Рае и Вале. О том, как тепло меня приняли в Ачандаре, в семье отца, я подробно описываю в своей книге «Среди людей чужих нет», которая уже готова к печати.

Теперь о нашей жизни вместе с Тамарой Ивановной Гицба, в ее небольшом доме, где сейчас находится Управление действующего курорта Пицунда. Соня Гицба позвонила Тамаре Ивановне в Пицунду, вкратце рассказала обо мне, попросила устроить на работу, и особенно попросила показать меня врачам. Меня после приезда в Абхазию начал мучить кашель, иногда появлялась и кровь из горла.

Когда мы приехали с М. М. Цукба в Пицунду, нас уже ожидали. Когда я увидела строгую женщину в темно-синем хорошо сшитом костюме, то очень оробела, и тут же начался дикий кашель. Ханя, так называл ее дядя Миша Цукба, что-то сказала по-абхазски, стремительно выбежала из-за стола и, приблизившись ко мне, прижала меня к себе, поцеловала в висок. Я тихо сказала: «Не надо меня целовать, видно, у меня туберкулез, опасно, можно заразиться». Она опять обняла меня и улыбаясь сказала: «А мы этой болезни дадим бой! Держи удар, Люда!». Мы вкусно пообедали в ее маленьком доме и, усевшись в машину «Победа», поехали в Сухум, в больницу. В туберкулезном диспансере у меня взяли анализы и сделали рентген. Веселый пожилой врач под-

мигнул нам и сказал: «Очень вовремя приехали, у меня как раз бесплатная путевка в Крым, в туберкулезный санаторий на 3 месяца. У девушки пока начальная стадия этой подлой болезни, и там, в Крыму, ее вылечат. Сейчас, с антибиотиками, это – не проблема». Вернулись в Пицунду. Был июль месяц, веющей особо много у меня не было. Тамара Ивановна полетела самолетом со мной в Ялту, устроила меня в поселке Симеиз, недалеко от города, в одноместную палату. Потом купила мне в магазине туфли, тапочки, смену белья, три платья и теплую кофточку, еще чулки, босоножки, носовые платки и даже белую шляпу, чтобы не припекало голову. Она улетела обратно в Сочи, а потом уже из Пицунды я получила письмо и денежный перевод, с указанием в письме, чтобы я покупала фрукты и много их употребляла в пищу.

За три месяца действительно я вылечилась, поправилась, и настал долгожданный день, когда я уже сидела в самолете и через полчаса мы приземлились в Адлере, где меня уже ждала Тамара Ивановна. Она познакомила меня с Акакием Георгиевичем Сангулия, своим деверем, работающим в Сочи на винзаводе. Заехав в Пицунду, мы вдруг остановились в поселке, на улице Агрба, поднялись на третий этаж. Тамара Ивановна постучала, и дверь открыла симпатичная девушка. Эта милая девушка накормила нас мамалыгой и всем, чему полагалось быть на абхазском столе. Дядя Акакий привез с собой чудесное вино. Все выпили за мое здоровье, даже я выпила стаканчик вина. Потом я спросила: «А когда мы поедем домой, Ханя?». Она улыбнулась и ответила: «А ты, Люда, уже у себя дома, эта квартира теперь твоя». Я, конечно, растерялась и расплакавшись сказала: «Такого в жизни не бывает! Такие подарки никто не дарит! Это же чудеса какие-то! А мебель откуда?». Тамара посмотрела на дядю Акакия и сказала: «А вот мебель тебе дарит Акакий Георгиевич». Я поблагодарила от чистого сердца этих двух удивительных людей. Потом они

ушли, а я осталась одна в своей новой квартире. На полу лежал красивый ковер, в углу стоял телевизор. Мебель была очень удобная и рациональная. На кухне тоже стояла мебель и новый небольшой холодильник. Я открыла его, а там – полно продуктов.

Я сидела на диване, плакала и думала: «Кто я была? И фамилия была моя Сирота, и имя Сирота, и отчество Сирота. Несчастная, без роду и племени, одним словом – скиталица. А теперь у меня много родных в Гудауте, в Ачандаре, которые приняли меня как родную. И, самое главное, у меня есть удивительная Ханя».

Говорят, что незаменимых людей не бывает – это не-правда. Многие годы я была согрета ее неиссякаемой дружбой. И дружба Хани Гицба дала мне возможность поступить в Сухумский пединститут и стать филологом. Ханя любила Абхазию, была абхазкой до последней жилочки – это ведь особенные люди, пронизанные своей страной насквозь, как земля корнями. Ханя прожила без меня целую жизнь, в детстве много перенесла того, что не под силу маленькой девочке. Рано осиротела, потеряв обоих родителей, был зверски замучен бериевцами старший брат. И маленькая девочка поняла одно: не счастье горя народа. Когда Тамара Ивановна выступала перед молодежью, отправляла ее учиться в Ленинград и Одес-су, она, как мне казалось, обладала удивительным даром убеждения: «Учитесь, успех приходит только к очень образованным людям!».

У каждого из нас были учителя. Но только Тамара Ивановна Гицба оставила в моей душе, и душах других неизгладимый след. Ее саму сделали настоящим человеком самоорганизация труда плюс труд, труд и еще раз труд. Она была личностью, способной открывать новых людей, и в них только им присущее. Притом сама не умела падать духом – это высокое качество, а еще выше – не

давала падать духом живущим рядом с ней, терять веру в себя и в жизнь.

Именно она настояла, а московские архитекторы согласились с ней, сделать первые этажи семи пансионатов из стекла и бетона. И когда курорт был построен и сдан, в 1968 году разразился дикий шторм, который разбил стеклянные витражи первых этажей и пошел гулять дальше в рощу. Так своим умным решением она спасла пансионаты. Ущерб был, но поправимый ущерб. Все начали вспоминать, а ведь какая умница эта Тамара Гицба – все предположила и увидела, как ясновидящая. На тот момент ее уже отстранили от работы в Пицунде, она вернулась в Сухум.

Она сумела сохранить не только свои любимые пансионаты, но и вырастила вдохновленную, любящую свою родину молодежь. Посыпала молодых людей учиться, и полного засилья в Пицунде грузинской национальностью не получилось. Был прямой приказ: местного населения должно быть как можно меньше. Из Грузии переселенцы ехали эшелонами, всем им давали квартиры и работу. И хотя Ханя была под большим давлением тбилисских партократов, она не сдалась и подготовила абхазские кадры. Сегодня уже дети и внуки этих первопроходцев живут и работают в Пицунде. Именно дети тех абхазов, когда началась вероломная война 1992-1993 годов, встали на защиту своей любимой Апсны и вырвали Победу у многократно превосходящего по количеству и вооружению противника.

Из рядов абхазского народа выдвинулся Владислав Григорьевич Ардзинба, наш первый президент, наш Бог и наш Мессия, положивший свою жизнь на Алтарь Победы. Много написано о нем хорошего. Сам он написал прекрасные книги, но мне в душу запала статья и стихи Екатерины Марковой, члена Союза писателей России, критика и поэта:

НАС ВЕДЕТ ВЛАДИСЛАВ...

Абхазия вместила в свою историю все верования человечества. Здесь скрывались от гонений в разные века христиане, строили алтари в горах. Здесь многие века язычники поклоняются семи святынищам (быжныха) – Дыдрыпш-ныха, Лашкендар-ныха, Лдзаа-ныха, Лых-ныха, Илыр-ныха, Инал-Куба и Бытху – древнее святынище убыхов... Явился на свет Владислав Григорьевич Ардзинба в семье мусульман. Живут в Апсны и иудеи...

Может, в этом многообразии кроется таинственная сила, которая проявляется в самые роковые годы прекрасной страны Апсны?

Когда из центра советской республике шли предписания о раскулачивании трудового крестьянства, истреблении аристократии, по сути самой культуры маленького народа, когда Сталин подписал документ, где против слова Абхазия красным карандашом начертал – «огрузинить», Нестор Лакоба встал на защиту народа, за что поплатился своей жизнью и жизнями своего рода. Но имена Нестора и Сарии, его героической жены, золотыми буквами вписаны в Историю Родины.

Безусловно, Владислав Ардзинба – это та гениальная личность, которую призвали высшие силы в роковой для Апсны час. Особенно поражает отношение этого человека к своему народу. Когда Абхазия находилась между жизнью и смертью, он явился из самой толщи своего народа и повел его против силы в 40 раз превосходящей... Ученый с мировым именем, муж, отец, сын. Он не смог оставаться в тиши уютного кабинета. Или на отдыхе с семьей где-нибудь за границей, на прекрасной рыбалке в какой-нибудь Швейцарии с любимой дочкой Мадиной и прекрасной, умной жестью Светланой...

Он не мог оставаться в стороне, не отдать всю свою волю спасению родной культуры, языка абхазского, народа Страны Души.

«Ученый – тот, кто много знает из книг; образованный – тот, кто усвоил себе все самые распространенные в его время знания и приемы; просвещенный – тот, кто понимает смысл своей жизни», – так говорил мудрец Лев Толстой.

Смысл жизни Ардзинба был в единственном и великом служении, служении своей Родине. Трудно вообразить себе цель более достойную и более совпадающую с мнением самого народа. Все совершенное Владиславом Григорьевичем было направлено не на собственное величие, а на то, чтобы победить и изгнать врага из Абхазии.

В первом же грозном обращении к народу он не забывает горе простого человека, брошенного один на один с войной – «...я обращаюсь к вам в этот трудный час...нелегко об этом говорить, когда возможно сейчас, в ту минуту, когда я говорю, в вашем доме происходит грабеж, когда избивают людей, когда не гарантирована сама жизнь человека. Но, поймите, мне тоже очень нелегко, очень трудно...».

Ардзинба, которого в народе называют «наш Владислав», постоянно находился в самом центре военных действий. Он всегда видел свое войско, разделял чувства каждого солдата. И поэтому он пользовался беспримерным доверием своего народа в самые трудные дни войны. Именно вокруг его ЛИЧНОСТИ сплотились и разрозненные разноплеменные отряды, пришедшие на помощь героическим абхазам. Авторитет и признание его как полководца, основывались на ценнейшем сочетании власти с человеческой высотой. Военная стратегия Владислава Ардзинба заключалась не в том, чтобы посыпать людей на смерть, а в том, чтобы спасать и жалеть их. Жизнь любого воина для него – драгоценность. Душа его оплакивала всех, погибших за Родину. Винил он только себя ...Кто сосчитает, сколько рубцов на его сердце? Кто поймет состояние великого отца Абхазского народа, когда в сентябре 1992 года Абхазию предали временщики, руководившие в то время Россией, пошедшие на поводу у

Шеварднадзе, поддерживаемого теми, кто наживается на уголовной агрессии, на гибели людей...

«Нет величия там, где нет простоты, добра и правды» (По слову Л.Толстого) Владислав Ардзинба воплотил в себе все эти качества и, более того, его можно назвать истинно народным вождем. Произошло чудо, когда личность и народ слились в единое целое.

Верю, что и из тех далеких райских кущ он зорко наблюдает за своей любимой родиной и не оставляет своих героев, отдавших за родину жизнь, ставя выше жизни человеческую честь. Честь Апсны...

*Славь, Абхазию, славь!
В песнях стихах, молитвах,
Вижу, как Ардзинба Владислав,
Войско ведет на Небесную битву.*

*За речь по-абхазски, за счастье народа,
За Родину - лучшую на планете,
Чтоб хорошела год от года,
Войны никогда не узнали дети.*

*Солнце бросает в море блики,
Небесный купол похож на Собор.
Вижу живыми героев Лики
Выше снегами украшенных гор.*

*Славь Абхазию, славь,
Нас ведет Владислав!*

ПИСЬМО В БЕССМЕРТИЕ

Я пишу письмо туда, где нет почты, куда ни одного письма никто не писал; туда, где нет адресов, нет квартир, нет домов...

И пусть прочтут люди письмо, что я пишу, в котором я буду беседовать с Вами, Тамара Ивановна, как с живой, ибо не умирают те, кого мы любим.

Дорогая Ханя, спасшая меня от смертельной болезни, я еще жива, хотя мне уже 73 года. В Апсны не забывают Вас, отметили Ваше столетие со дня рождения очень достойно, создали документальный фильм «Большая стройка Тамары Гицба», где люди, которые с Вами работали, рассказали, как 7 тяжелых лет Вы строили наш замечательный Курорт Пицунда. Режиссер фильма – пицундская девушка Лиана Эбжноу, которую на постановку фильма вдохновила Ваша жизнь и трудности, с которыми Вы столкнулись и победили их. И Ваш духовный подвиг, воспитание молодежи абхазской, которая, получив спецобразование в Одессе и Петербурге, влилась в мощный коллектив Курорта Пицунда. И в Пицунду же, дорогая наша Ханя, пришла весть о Вашем муже Александре Сангалия, который, уходя на фронт, говорил Вам: «Крепись, Ханя-Томашка, я-стойкий, я вернусь». Но он не вернулся, пропал без вести.

В Пицунде отдыхали иностранцы, в том числе и немцы. И один немец Эрих Крамер, пришел с группой туристов в храм, их привел Леварса Герзмаа, переводчик с немецкого

и когда Эрих Крамер услышал нашу абхазскую песню ранения в исполнении Тото Аджопуа, он рассказал о подвиге вашего мужа Александры Сангалия, который был ранен и попал в германский концлагерь и там, в зверином логове фашистов, он и его 19 товарищей победили на скачках и были за это расстреляны у стены крематория. Я написала небольшую повесть - новеллу об этом подвиге, но Вы этого уже не узнали, в 1976 году Вы стали небожителем. А в 1988 году по приглашению депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, председателя колхоза Лыхны Хакибэя Кажевича Айба к нам приехал Валентин Дольников, корреспондент газеты «Правда», и я с Хакибем Кажевичем рассказали Дольникову про подвиг Александра Сангалия в плену, он все тщательно записал и 9 мая 1988 года в газете «Правда» появилась статья «Победителей ожидала смерть», которая потрясла почти всю страну и вся огромная Россия, тогда СССР, узнала еще об одном подвиге наших пленных на скачках в городе Зоненберг, которые вырвали победу у фашистов буквально без шансов, и победили.

Александр героически погиб, с тех пор Вы жили за него, и за себя. Растили сына Алхаса, обретя в нем счастье. Воспитывали Вы и меня, девушку-сироту, когда я как-то сгоряча сказала о своем сиротстве, Вы, Ханя, привлекли меня к себе и сказали: «Настоящий сирота тот, у кого умерли мечты. Ты молода, у тебя вся жизнь впереди. Держи удар, Люда, и все получится, и самое главное, запомни – успех приходит только к очень образованным людям». Меня Вы ласково называли Людячкой-Зарочкой. Я теперь не боялась одиночества, Вы, Ханя, держали меня, как я сейчас понимаю «в пуховых рукавичках», чтобы я поскорее забыла о своем сиротском детстве. Я считала за радость жить рядом с Вами, за радость общения с такой удивительной женщиной, которой Вы были.

А теперь я расскажу Вам, что красавец курорт Пицунда стал уже городом, где главная улица называется Вашим именем, где стоит трехэтажное здание управления курортом Пицунда, у входа в это здание висит мемориальная доска с Вашим именем. Мечтаем мы, жители Пицунды, увековечить Вашу достойную жизнь, поставив Вам памятник. А еще дорогая Ханя, была жестокая война 1992-1993 годов. На нашу страну напали грузинские фашисты, не хочу путать их со всем грузинским народом. Напали и получили такой отпор! Наши юноши и девушки, наши мужчины и женщины с оружием в руках, с помощью пришедших добровольцев Северного Кавказа, чеченцев, кабардинцев, осетинов, казаков с Дона, и просто людей разных национальностей, приехавших в Абхазию помочь восстановить справедливость. И мы победили в этой жестокой войне, которую сейчас называем Отечественной войной.

Сейчас Абхазия – независимое суверенное государство, в этом есть большая доля Вашего личного патриотизма, Ханя, потому как Вы воспитали в нас, молодых, беззаветно любить нашу любимую Родину. 23 года прошло после Отечественной войны в Абхазии, было много разрушений, много погибло людей, но Абхазия выдержала удар врагов, и сейчас Сухум, Ваш любимый город, хорошеет год от года, а курорт Пицунда в этом 2016 году прошел большую реконструкцию и снова в Пицунду устремляется большое количество людей из России и других государств. К руководству курортом пришли молодые и умные люди, скромные, трудолюбивые и работают также, как когда-то работали Вы, по 12 -14 часов в сутки. Расскажу Вам, что в нашем чудесном храме установлен мощный орган, привезенный из Германии, функционирует археологический музей и сотни тысяч отдыхающих, едут в туристическую Мекку, так называют теперь курорт который Вы с любовью построили для своей Апсны. Ю.В. Тория, работавший заместителем директора по культуре,

убедил Касыгина А. Н. в том, что в храме должен быть установлен орган. В Пицунде сейчас крупнейший музыкальный центр, которым руководит дочь Вашего большого друга, мудреца Николая Хасановича Шамба, Народная артистка Абхазии Марина Николаевна Шамба. Она потеряла мужа Адгура Инал-ипа, единственного сына Шалвы Денисовича Инал-ипа, Великого абхазского историка, в Отечественной войне 1992-1993 гг. Она также очень талантлива, скромна и умна, как и её отец Николай Хасанович, каждое слово, которого было слитком золота. Когда Вы, Ханя, познакомили меня с Николаем Хасановичем, то Вы сказали: «Познакомься, Люда, это очень умный Нико Шамба, который по тени человека читает его мысли» Николай Хасанович внимательно присмотрелся ко мне и сказал Вам: «Ханя, эта девушка никогда не забудет добро», и он был прав. Я любила и люблю Вас сейчас всем сердцем. Ибо не умирают те, кто остается в сердцах живых.

Играет в древнем Пицундском храме Народная артистка Абхазии Алла Аслановна Отырба, талантливая исполнительница классической музыки, дочь Великого абхазца Аслана Тамшуговича Отырба. Марина Шамба и хоровая капелла под руководством народной артистки Абхазии Норы Аджинджал были приглашены в Германию. 13 концертов на бис провели во многих городах. Немцы были восхищены духовными песнями абхазов. Я как-то спросила Марину Николаевну, когда она исполняет религиозную музыку Иоганна Себастьяна Баха, что она чувствует, она ответила: «Я чувствую, что должен чувствовать человек в храме и полностью ухожу в божественный мир великого композитора» Поют в храме абхазские соловьи Хибла Герзмаа и Алиса Гицба. Они вместе учились в Москве и сейчас достойно представляют нашу красавицу Абхазию на сценах Италии, Франции, Испании, Японии и многих других государств. Много лет Хибла Герзмаа проводит фестиваль

классической музыки и джаза. Приглашает знаменитых артистов-музыкантов. Академическая сцена требует титанического труда, за что наши соловьи удостоились множества наград. Хибла в 1994 году окончила Московскую консерваторию по классу вокала, а в 1996 – аспирантуру при консерватории, теперь она солистка театра К. С. Станиславского и В. И. Немировича Данченко. Хибла Герзмаа получила театральную премию «Золотой Орфей», у нее обширный классический репертуар и еще множество премий, которых ни счесть.

Алиса Гицба, дочь большого артиста Шалвы Гицба, работающая в московском театре «Геликон-опера», исполнила свыше 30 партий из больших опер: «Аида», «Травиата», «Макбет», «Евгений Онегин» и многих других. Блистательно она поёт Сольвейг из сюиты «Пер-Гюнт», что в сердца зрителей проникает какая-то неведомая, согревающую душу энергия.

Потрясающий дирижёр Нодар Чанба работает во Франции, и когда он приезжает на Родину, дерижирует в Пицундском храме, на его концертах всегда аншлаги. Первый органист Гарри Вильгельмович Коняев начинал играть на органе в Пицунде, а сейчас живет в Германии, дважды удостоился чести играть перед Папой Римским в Ватикане. Ежегодно приезжает в Пицунду, чтобы дать концерт в любимом храме. В храме поет Народная артистка Абхазии Манана Шамба, доставляя удовольствие зрителям своим удивительным голосом. Поет Родион Хагба, Заслуженный артист Абхазии итальянскую и русскую классическую музыку и абхазские песни.

Прекрасно играет молодой органист Лука Гаделия и поёт его юная супруга Кристина Эшба. Подросла и талантливая молодежь, выступает в храме Саид Гобечия, баритон, великолепно держится на сцене и хотя он только закончил академию им. Гнесиных, он много работает над собой и выступает как настоящий состоявшийся артист.

Когда уходят такие люди, как Вы, Ханя, начинаешь сомневаться в божественной справедливости. Вы всегда говорили держать удар, но в вашем организме уже бушевал невидимый враг-рак. Караглазая, с тонкой ранимой душой, Вы показали нам не только как надо жить, но и как надо умирать. Вы умирали, явив собой пример мужества, на которое не способны даже самые сильные мужчины. Очень многое можно было написать из вашей жизни, дорогая Ханя, но когда я сажусь за письменный стол, слезы застилают мне глаза и боль в сердце надолго выбивает меня из равновесия. С болью я вспоминаю малейшие детали нашей совместной жизни в былом прошлом. В жизни моей без Вас, Ханя, образовалась пустота, которую ничем не заполнишь. Никогда и никого я больше не смогу назвать Ханей, моим дорогим и любимым именем, а меня никто не назовет больше ласковым «Людочка-Зарочка».

Господи! Вечная Вам память, пусть земля Вам будет пухом! У многих Вы навечно остались в памяти души и сердца. Когда Вас хоронили, народу было очень много, говорили самые высокие слова в память о Вас, но ни родственники, ни пришедшие проводить Вас в последний путь, не ведали того, что недоступно нам, живущим на земле. Стремительно летела ваша душа, Ханя, ущельем мертвых-черным туннелем. В конце которого забрезжил божественный свет и Вы услышали голос дорогого Александра, вашего мужа: «Вот мы и встретились, моя Ханя-Томашка, теперь уже всегда, чтобы никогда больше не разлучаться».

Великий Господь! Сделай так, чтобы это была правда.

Л. Тыркба

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХ, КОГО МЫ ЛЮБИМ, ЖИВУТ	4
БЕЗ ШАНСОВ	7
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ	56
ЖЕНЩИНА – ЛЕГЕНДА	61
ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ПИЦУНДЫ	65
СОЛЬ ЗЕМЛИ АБХАЗСКОЙ	69
ГУДЖ ИВАНОВИЧ ГИЦБА	71
ГИЦБА ХАПАШ	73
ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА ГИЦБА	74
ТАМАРА ИВАНОВНА ГИЦБА	77
ИНЖЕНЕР, ПОЭТ, ВОСПИТАТЕЛЬ	81
ЕЛЕНА ИВАНОВНА ГИЦБА	85
ХРАНЯТ О НЕЙ ПАМЯТЬ	87
СОСНЫ ПИЦУНДЫ	87
СИЛЬНЕЕ СУДЬБЫ	110
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ	110
НАС ВЕДЁТ ВЛАДИСЛАВ	115
ПИСЬМО В БЕССМЕРТИЕ	118

Л. ТЫРКБА

БЕЗ ШАНСОВ

Редактор Е. А. Маркова
Компьютерная верстка Н. Г. Гунба

Формат 84x108 $1/_{32}$. Тираж 250. Физ. п.л. 4. Усл. п. л. 6,72.
Заказ №77.

ЗАО «Араиъ». Сухум, ул. Эиба, 168.